ПИРЛО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Профессор», «архитектор», «маэстро» – всё это прозвища полузащитника сборной Италии и человека, который всегда будет ассоциироваться с такими знаменитыми клубами, как «Милан» и «Ювентус», Андреа Пирло.

Один из лучших игроков в мировом футболе. Мастер исполнения навесов в штрафную, дальних ударов и длинных пасов. Андреа отличается тонким видением поля и точностью передач. Именно ему принадлежит рекорд Серии А по числу голов, забитых со штрафных, – 28. Он чемпион мира. На его счету 2 Кубка Италии, 2 Суперкубка УЕФА, 2 кубка Лиги чемпионов.

В этой книге Андреа, как всегда просто и прямо, рассказал историю своей жизни и игры.

- Андреа Пирло, Алессандро Альчато
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ 1. Прощай, Милан!
  - ○ 2. Юный Марадона
  - ○ 3. Предложение, от которого нельзя отказаться
  - ○ 4. Марионетка
  - ○ 5. Зеленая миля
  - ○ 6. Рыцарь в голубых доспехах
  - ○ 7. Битвы на вилках
  - ○ 8. Граф Конте
  - ○ 9. Черно-синее приключение
  - ○ 10. Золотая лихорадка
  - ○ 11. Тайная мечта Берлускони
  - ○ 12. Стамбульская трагедия
  - ○ 13. Любимые кроссовки
  - ○ 14. Династия Аньелли
  - ○ 15. В центре внимания
  - ○ 16. Марсианский снайпер
  - ○ 17. Путешествие из Турина в Сидней
  - ○ 18. Супер-Марио
  - ○ 19. За порогом будущего
  - ○ 20. Допинговые молнии
  - ○ Благодарность

Андреа Пирло, Алессандро Альчато
Думаю – следовательно, играю!

© 2013 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano
© 2015 Mondadori Libri S.p.A., Milano
© Шуйская Ю., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Моей семье, моей жене, моим детям.

Простое посвящение непростым людям

Андреа

Никколо, за то, что каждый день стал Рождеством

Алессандро

Предисловие

Андреа Пирло принадлежит к редкому виду: это футболист, которого любят все. Любой стадион – это его стадион, болельщики видят в нем чемпиона всех клубов, способного сделать их фанатами не только своей команды. Они видят в нем Италию. Я не удивлюсь, если узнаю, что даже его пижама окрашена в цвета национальной сборной, которую он любит неизмеримой, безграничной любовью.

Прежде чем говорить о сегодняшнем (завтрашнем, всегдашнем) Андреа, необходимо сделать шаг назад – в те времена, когда я тренировал юношеский состав «Аталанты» в Бергамо. У меня была ученическая команда, и мы много говорили о более сильных соперниках, с которыми нам предстояло столкнуться в этом сезоне, или о самых талантливых ребятах, у которых были перспективы на будущее. Мы думали об «Интере», о «Милане», но прежде всего – о «Брешии», которая была рядом с нами.

Однажды перед тренировкой в раздевалку вбежал мой запыхавшийся коллега: «Чезаре, я видел такого талантливого парня, с ума сойти! К сожалению, он играет в юношеском составе «Брешии»…» Меня не так поразили его слова, как его потрясенное лицо, а ведь он наблюдал в своей жизни сотни матчей! Сложилось так, что на следующей неделе «Аталанта» играла именно с «Брешией» – той самой командой, где на поле выходил тощий парнишка, на два-три года моложе всех остальных. Это был Пирло.

Я потерял дар речи. Со мной такого раньше никогда не случалось. Мне казалось, что все, кто находился на трибунах, смотрели только на него и думали только об одном: «Вот новый Игрок». Никто не воспринимал его как ребенка.

В нем самая суть футбола, это самый техничный игрок, никогда не сделавший ни одной серьезной ошибки, он чувствует сущность мяча. Именно поэтому его считают глобальным игроком, и каждое его прикосновение к мячу приносит радость: он слишком нормален и слишком прекрасен. Нам повезло в тот день в Бергамо – мы увидели талант. На поле его отличает обезоруживающая естественность, о которой другим остается только мечтать, и в конце матчей с участием Италии у раздевалки стоит целая очередь из игроков команды соперника, которые хотят поменяться с ним футболками. Им тоже нравится его манера.

Самое удивительное то, что Андреа – молчаливый лидер, каких в мире футбола немного. Прежде чем начать тренерскую карьеру, в своей жизни игрока я знал потрясающего человека, Гаэтано Ширеа, и Пирло невероятно напоминает мне его своим образом жизни; перед этими молчаливыми лидерами – в тех редких случаях, когда они решают сказать что-то в раздевалке, – умолкают все. Я пару раз сам был свидетелем таких сцен, когда играл в одной команде с Гаэтано, когда был техническим директором национальной сборной с Андреа, – никогда не смогу этого забыть. В первом случае я подчинялся, во втором – любовался. Я вынес из этого четкий урок: тот, кому удается не повышать тона, добивается большего, включая безусловное уважение тех, кто рядом с ним.

В этой книге Андреа недвусмысленно говорит: «После чемпионата мира в 2014-м в Бразилии я перестану играть за Италию, но до того момента никто – разве что только Чезаре Пранделли по техническим причинам – не имеет права заставить меня бросить футбол». Я конечно, не возьму на себя такую ответственность, самое трудное для тренера – сказать таланту «хватит», такой выбор должен быть согласован с самим игроком, однако сейчас мы говорим ни о чем. Я не знаю ни одной причины выводить Андреа из национальной сборной с самого начала его карьеры и до 2014-го. Думаю, что он и Джиджи Буффон воплощают собой настоящий дух Италии, и если бы все так же уважали национальную сборную, как они, мы жили бы в гораздо лучшем мире. После стольких столкновений их мотивация осталась неизменной – с первого дня.

Андреа родился, чтобы мы мечтали. В сущности, он не изменился с того дня, когда я увидел его в майке «Брешии», которая была больше, чем он сам. Был момент, когда он мог попасть в юношеский состав «Аталанты», но это было бы большой бестактностью по отношению к «Брешии». В Бергамо было собрание по этому поводу, и президент Перкасси, блестящий руководитель, понял, что здесь потребуется вся его дипломатичность. Я никогда не забуду его слова: «Пирло останется там, где он есть, потому что ему нельзя создавать трудностей, он должен играть счастливо, в удовольствие, на него нельзя давить. Он просто должен остаться игроком для всех».

Перкасси все понял. Перкасси понял Пирло.

Чезаре Пранделли

1. Прощай, Милан!

«Я не сдерживался. Я плакал, и мне не было стыдно»

Ручка. Красивая, конечно, но всего лишь ручка. От Картье, сверкающая, тяжелее, чем «Бик», с гербом «Милана». Всего лишь ручка. С синими, банально синими чернилами. Я смотрел на нее, я крутил ее в руках, я играл с ней, как младенец со своей первой погремушкой. Я смотрел на нее под разными углами, пытался понять ее скрытый смысл, познать ее глубинную сущность. Понять. От мыслей у меня разболелась голова, я даже вспотел, но, наконец, пришло просветление. Тайна разрешилась: скрытого смысла не было. Он не был предусмотрен создателем. Специально? Кто знает…

– Я надеюсь, ты не станешь подписывать этой ручкой новый контракт с «Ювентусом».

Конечно, Адриано Галлиани не мог промолчать. Я ждал от этого шутника какого-нибудь другого прощального подарка. Вот и кончились десять лет с «Миланом». Я улыбнулся. К счастью, у меня хватило даже сил рассмеяться.

– Спасибо за все, Андреа.

Когда он произнес это из-за своего стола, я взглянул на него.

Я наизусть знал его офис, пещеру за домами на улице Турати, я пережил здесь счастливые моменты – другие контракты, другие ручки, фото на стенах – легкие, веселые фотографии, если не задумываться о тех, кто на них изображен, – я никогда не обращал на них внимания, разве что рассеянно поглядывал. Там были запечатлены те неповторимые дни, когда кубок взметался в небо и над ним висели облака. Эти фото притягивали меня, но не так сильно. Скука в «Милане» – неоправданный риск для меня. И я знал, что поступаю правильно, хотя и чувствовал себя разочарованным. И Галлиани тоже. И мой агент Туллио Тинти. Мы расстались без сожаления. Через полчаса меня уже здесь не будет. Любви нужно время, настоящее чувство не может исчезнуть в одну секунду.

– Андреа, наш тренер Аллегри думает, что, если ты останешься, ты не можешь больше играть в опорной зоне. Он хочет дать тебе новую позицию: левого полузащитника.

Маленькая деталь: я считал, что, играя в опорной зоне, перед защитой могу реализовать себя гораздо лучше. На глубине рыба плавает легко, а если ее заставить плыть под самой поверхностью, она приспособится, но не поплывет так же.

– Даже когда ты был на скамейке запасных или на трибуне,

мы выигрывали кубок. Андреа, с этого года политика команды изменилась. С теми, кому больше тридцати лет, мы можем заключить контракт только на год.

И еще одна маленькая деталь: я не чувствовал себя старым, даже в этот трудный для меня день. У меня было ощущение, что меня хотят вывести из себя, выбить из колеи, заставить растеряться.

– Спасибо, но я правда не могу принять это предложение. И потом, «Ювентус» обещал мне контракт на три года.

Я отказался. В этот весенний день 2011 года не было разговора о деньгах. Вообще. В эти полчаса, что я провел с Галлиани, не было сказано ни слова о финансах. Я хотел, чтобы меня правильно оценивали: я не просто игрок в списке ротации. Я могу быть центром команды.

Итак, цикл закончился, и мне было нужно нечто новое. Тревожный звонок прозвенел в тот момент, когда я приехал в «Милан» тренироваться – в середине сезона (последнего в этой команде), ознаменованного двумя поражениями, – и понял, что не хочу спускаться в раздевалку. Переодеваться. Работать. У меня со всеми были прекрасные отношения, в том числе с Аллегри, проблема была в атмосфере. Передо мной были те же стены, которые годами давали мне силы и защищали меня, но я чувствовал в них болезненное дыхание. Я испытывал сильнейшее желание оказаться в другом месте, перевести дух, и оно давило на меня все сильнее и сильнее. Поэзия, окружавшая меня, превратилась в рутину, и это новое ощущение нельзя было игнорировать. И болельщики, которые столько лет рукоплескали мне на «Сан-Сиро», в это воскресенье (и в субботу, и во вторник, и в среду), кажется, захотели передохнуть. Увидеть другие лица в альбоме Панини, услышать другие истории. Они привыкли к тому, что я делаю, к моим находкам, их ничего больше не удивляло, для них это стало нормальным. Мне было трудно принять эту мысль: «Ты больше не можешь быть Пирло». Это было несправедливо. От этого у меня даже заболел живот – я утратил свой стимул.

Первый, кому я об этом сказал, был Алессандро Неста, мой друг и брат, товарищ по команде и за обедом, сосед по комнате и участник тысячи совместных приключений. Между первым и вторым таймом в одном из наших бесконечных сражений на PlayStation я сказал ему:

– Сандрино, я ухожу.

Он даже не удивился:

– Мне очень жаль, но это правильный выбор.

Он первым узнал о моем решении, после моей семьи. Каждый

день он был рядом, шаг за шагом, слеза за слезой. Иногда мне бывало особенно трудно, внутри меня все время шел обратный отсчет – не так легко бросить то место, о котором ты знаешь все, все его секреты. Маленький мир, давший мне больше, чем я ему, без сомнения, вызывавший во мне сильные эмоции.

Я чувствовал то дискомфорт, то грусть, и это чувство в любом случае было мне уроком: от слез становится легче, они являются очевидным объяснением того, кем ты являешься. Я не сдерживался. Я плакал, и мне не было стыдно. Как будто бы я сидел в аэропорту, у меня в руках был билет, и оставалась секунда до момента, когда я попрощаюсь с друзьями, родственниками и врагами. И через мгновение мы расстанемся навсегда.

Я ежедневно звонил своему агенту, особенно в те дни, когда мне нужно было пережить горечь поражения, но ему это было не очень-то интересно. По крайней мере, меньше, чем обычно. Амброзини, а позже Ван Боммель, играли в зоне перед защитой, на моем месте были другие люди (хотя это и были мои друзья), а меня вырвали из собственного сада, как сорную траву.

– Туллио, какие новости?

Новости всегда были только хорошие и отличные. Почему-то мое расстройство повышало мою ценность для контрактов. Я был словно крестик на карте сокровищ.

Вылезли все, даже «Интер». Словно в Милане произошло землятресение. А что если бы сейсмограф был сломан? Они позвонили Тинти и задали ему простой вопрос:

– Андреа вернулся бы к нам?

Мне передали его слово в слово:

– Андреа, ты вернулся бы к ним?

Нельзя ничего сразу отвергать. И у меня был заготовлен хороший ответ для всех.

– Слушай, что они хотят.

Они хотели меня. Но они были медленными (замечательными, но такими медленными) – в смысле, что перед началом серьезных переговоров им надо было понять, как закончится чемпионат, кто будет тренером в следующем сезоне, каковы будут планы и цели команды… Лично со мной разговаривали всего один раз. Я хорошо это помню, это было утро понедельника, сезон только что закончился.

– Привет, Андреа, это Лео.

На том конце был Леонардо – тренер «Интера» на тот момент.

– Привет, Лео.

– Слушай, все, наконец-то, в порядке. Президент Моратти дал мне все полномочия. Мы можем начать переговоры.

Он сулил мне в «Интере» замечательные вещи – словно имел на это право. Это мог бы быть замечательный вызов: вернуться туда, где я уже был. Еще раз войти в ту же самую реку после десяти лет в «Милане», девять из которых были сверхурочными. И Леонардо мог бы мне помочь, если бы через пару недель не перешел в парижский «Сен-Жермен» – команду шейхов.

– Андреа, в новом «Интере» у тебя будет важная роль.

Да, я думал об этом в определенный момент, но я не смог бы. Это было бы слишком для болельщиков «Милана» – они не заслужили такого удара.

– Спасибо, Лео, но я не смогу. Вчера вечером я подписал контракт с «Ювентусом».

Никогда не скажу, какой ручкой.

2. Юный Марадона

«У меня было два варианта: обидеться и бросить или обидеться и продолжить, но по-своему. Второй вариант показался мне лучше первого, и я начал действовать. Я сам пошел за мячом»

Я был опустошен. Выброшен. Утилизирован. Вычеркнут, отменен, разряжен. Занесен в архив, забыт, похоронен. Если кто-то в «Милане» хотел для меня такого финала, то у них получилось: я тонул. Как маленький «Титаник». Смог вместо айсберга. Но спасибо тому, кто это сделал. Если бы калькулятор не ошибся, если бы предсказания хрустального шара были интерпретированы точнее, я бы никогда не почувствовал себя таким же, как все. Нормальным человеком. Игроком из табеля. Этот краткий период своей жизни я прожил в виртуальной реальности, я был другим Андреа Пирло, тем, за кого меня хотели выдать, тем, кем я должен был стать, но не стал. Со мной обращались, как с одним из многих, давая мне перевести дух, но добились обратного эффекта: во мне лишь крепла вера в то, что я – нечто большее.

Ребенком, а после подростком, я пытался бороться с этими определениями: уникальный, особый, предрасположенный. Потом я научился уживаться с ними и извлекать из них пользу. Это не было легко – ни для меня, ни для тех, кто меня любит. С детства я знал, что сильнее всех, и поэтому обо мне начали говорить. Слишком много. И не всегда хорошо. Однажды мой отец Луиджи даже ушел с трибуны, с которой он смотрел на мою игру, ушел на другую сторону стадиона и сел один, чтобы не слышать неприятных комментариев других родителей. Он убежал, чтобы не реагировать или чтобы не расстраиваться. Ему не было стыдно за меня – он просто уходил от этого негатива, как Форрест Гамп, который просто искал место потише. Спокойнее и уютнее. К сожалению, и моя мама Ливия не избежала лишних нервов.

– Кем он себя считает, Марадоной? – Вот вопрос, который чаще всего я слышал по поводу себя, его произносили громко, желая спровоцировать меня, лопаясь от зависти, не понимая, что на самом деле мне дарили один из самых дорогих комплиментов. Черт возьми, Марадона! Это как назвать гимнаста Кеки, баскетболиста – Джорданом, топ модель – Кемпбелл, или назвать Берлускони Ватуссо. Взрослые люди обзывали мальчишку, силы были неравны, и я не мог им ничего ответить, лишь соответствовать этому определению. Делать именно то, в чем меня обвиняли. Чувствуя свою непонятную вину. Я был защищен невидимыми доспехами, но через них то и дело проникали удары

ножа и отравленные стрелы. Впервые это потрясло меня в четырнадцать лет, в матче юниорского чемпионата. Я играл в «Брешии», но на этот раз вся «Брешиа» ополчилась против меня.

– Сыграйте на меня.

И тишина. Хотя я громко кричал и говорил на вполне понятном итальянском.

– Ребята, отпасуйте на меня!

И снова тишина, даже слышно эхо моих слов.

– Да что такое?

И снова тишина, словно все оглохли.

Мяч никто не передал. Мои товарищи играли между собой, не замечая меня. Я там был, но они не видели меня – точнее, вели себя так, как будто меня там не было. Меня исключили из общества, словно прокаженного, только потому, что я был лучше их. Я бродил как привидение, мне казалось, что я сейчас умру. Против меня был заговор. Со мной даже не разговаривали. Даже ни одного взгляда в мою сторону. Ничего.

– Так вы мне отпасуете или нет?

И снова тишина.

Со мной случился нервный срыв, я разрыдался. На поле, при всех, в присутствии двадцати одного противника – одиннадцать из команды соперников и десять из моей. Я не мог прекратить. Я бежал и плакал. Прыгал и плакал. Останавливался и плакал. Потрясенный, раздавленный подросток. А с подростком не должно происходить таких вещей. В этом возрасте надо забивать гол и радоваться, но тот факт, что я их забил слишком много, мешал огромному количеству людей.

Именно в этот момент моя карьера, будучи в самом начале, повернулась, приняв верное направление. У меня было два варианта: обидеться и бросить или обидеться и продолжить, но по-своему. Второй вариант показался мне лучше первого, и я начал действовать. Я сам пошел за мячом. Один, десять, сто раз.

Я против всего мира, я против всех, кто был в моем мире. Я был как крестоносец. Они не хотят играть со мной? Тогда я буду играть один – у меня есть все для этого. Они вдесятером не могли забить, а я один мог.

Я сделал их всех, даже тех, кто носил такие же майки, как я. И в одном они ошибались – у меня не было ни малейшего желания изображать из себя феномен, я просто таким родился. Я действовал инстинктивно, это не было продуманным планом. Мне в голову приходили игра, проход, гол, и я сразу же делал это: я бежал быстрее, чем мои собственные мысли. Уже тогда я был вынужден жить как тот, кто все время должен что-то показывать, для меня существовал иной стандарт: всем можно было играть в

нормальный футбол, а мне нельзя, для меня это считалось поражением. И с самого начала говорили, что я устал, что я больше не смогу, осуждая то, как я двигаюсь, мои маленькие шаги (маленькие шаги для меня, но большие шаги для человечества…).

Этот стал словно пружиной: обычно, если я вижу вокруг себя много людей, я стараюсь промолчать, не испытывать эмоций, ни хороших, ни плохих, ничего не показывать, но в тот день все пошло по-другому. Я начал внутри себя длинную речь, про себя, внутренним голосом: «Андреа, привилегия – это не груз, ты высшего уровня, гордись этим. Мать-природа была щедра с тобой, она была добра в момент твоего рождения, она коснулась тебя волшебной палочкой, так пользуйся этим. Ты хочешь стать футболистом? Это твоя мечта? Другие мечтают стать космонавтами, а ты не собираешься летать? Тогда иди и возьми этот мяч. Бери его. Он принадлежит тебе, он твой, твои завистники его не заслужили. Они крадут твои чувства – забери у них то, что принадлежит тебе. Улыбайся. Будь счастлив. Сделай этот момент счастливым. И остальные моменты тоже. Иди в другую часть поля, как твой отец, пока завистники теряют время. Беги, Андреа. Беги».

Я даже сегодня не уверен в том, что уникален или непобедим, но я не могу этого объяснить тем, кто меня окружает, тем, кто привык видеть меня лишь поверхностно. Сам я пришел к выводу, что секрет прост: я по-другому вижу игру. Это вопрос точки зрения, широты взгляда, своего рода охвата взглядом. Обычно центровой игрок смотрит вперед и видит атакующих, а я концентрируюсь на пространстве между мной и ними, чтобы провести мяч. Больше геометрии, чем тактики. Я вижу это пространство свободным, я могу пройти сквозь него, калитка открыта. Меня сравнивали с Джанни Риверой, говорили, что этим я его напоминаю, но я никогда не видел, как он играет, даже на видеокассете. Мне не с чем сравнить. И никогда мне не удавалось увидеть себя в других игроках – ни прошлого, ни настоящего, хотя, возможно, когда-нибудь это и произойдет. Я не ищу своих клонов, мне не интересна овечка Долли, она все равно не идентична другим овцам. Я не чувствую давления, я пытаюсь от него избавиться. Днем 9 июля 2006 года в Берлине я поспал, поиграл в PlayStation. А вечером я выиграл чемпионат мира. С точки зрения интеллекта моим невольным учителем – но не бессознательным – был Мирчеа Луческу, тренер, который в мои пятнадцать лет забрал меня из юниоров «Брешии» и привел в команду первого дивизиона, в мир великих. Я начал тренироваться с тридцатилетними, которым не нравилось, что я

путаюсь у них под ногами. Они были в два раза старше меня и, в некоторых случаях, в два раза хуже.

– Андреа, продолжай играть, как в юниорах, – это первое, что мне сказал Луческу, и я, как хороший солдат, последовал этому приказу. Не всем это нравилось, кроме тех сенаторов раздевалки, которых больше всего слушали на поле, стариков по сравнению со мной. Однажды при них я три раза подряд совершил удачный дриблинг, а четвертый раз оказался для меня фатальным. Один из них задумал совершить убийственный подкат в меня. И было бы глупо говорить, что это было не специально, никто бы не поверил. Он тоже думал, что я изображаю из себя вундеркинда, а на самом деле я просто делал то, что мне сказал Луческу, бросив на меня взгляд: «Все нормально, так хорошо. Давай еще раз».

Он был очень внимателен ко мне, а команде громко крикнул:

– Дайте мяч Пирло, он знает, что с ним делать.

Странная дружба между вещью и человеком. Я умел делать некоторые вещи, сам того не осознавая. Первым настоящим триумфом стал момент, когда количество пасов моих партнеров друг на друга стало меньше, чем на меня. В первые дни соотношение было десять к одному (десять бессмысленных попыток и один мяч на меня, и почти всегда по ошибке). Время шло, и статистика улучшилась в мою пользу, показатели увеличились. А потом я стал вырываться вперед.

Я был так счастлив, особенно за своего папу, который, наконец-то, мог сидеть на стадионе на центральной трибуне, на самом удобном месте, в кожаном кресле и без беруш в ушах. Завистники остались на поле юниоров.

3. Предложение, от которого нельзя отказаться

«Несколько дней я вообще ничего не знал, я на все забил, я думал на испанском, мне снились сны на испанском, я бродил по улицам Мадрида в своих мечтах… А потом появился мой агент»

В юниорах «Брешии» со мной играли неплохие ребята, но они сталкивались (и часто проигрывали это столкновение) с серьезнейшей проблемой: они сами боялись своей мечты, ее груз буквально придавливал их. Я был для них Черным Человеком, убийцей их будущего, я протягивал им руку, но они отталкивали меня, а в итоге остались позади и, в общем-то, сами убежали от уровня профессионалов. Лучше скользить по самой быстрой дорожке и прийти вторыми, чем тормозить и начинать заново: жаль, что они этого не поняли. В общем, я понимаю, что с ними происходило в тот момент, когда они оказались в зыбучих песках, охваченные завистью. Я словно слышу их даже сейчас, этот хор, надежда которого умирает на глазах: «Мы хотим играть в «Барселоне» или в «Реал Мадрид»». Я знаю, почему они мне это говорили. Я знаю, почему я им это говорил. Стать футболистом – это лишь первая часть той мысленной молитвы, которую мальчик посылает к небу, того секрета, который он рассказывает учителю в своем первом сочинении в начальных классах – за ней сразу идет название команды, в которой они хотели бы играть. Испания была главной темой наших разговоров, абсолютная монархия нашей мечты, наше желание, наша цель, наше убежище, наш амбициозный проект, который мы обсуждали за обедом. Фруктовый сок становился «сангрией»: почти такое же чудо, как в Библии. Я был опьянен собой летом 2006 года, того года, когда в Берлине был выигран чемпионат мира. Я ехал на велосипеде по улицам Форте дей Марми, по набережной, люди останавливали меня, хлопали меня по плечу, болельщики приветствовали меня, и я приветствовал каждого из них:

– Привет, Андреа!
– Buenos días.
– Отличный денек, Андреа!
– Buenas tardes.
– Спокойной ночи, Андреа!
– Buenas noches.
– Пока, Андреа!
– Hola.
– Андреа, мы поехали в Милан, увидимся!

– Adiós.

– Зайдешь к нам на аперитив, Андреа?

– Hasta ahora.

Думаю, что победа над Францией в финале, по пенальти, размягчила мое сознание, но они не знали одной вещи. Им не хватало важных сведений: на тот момент я уже был не игроком «Милана», а игроком «Реал Мадрида». Головой, сердцем, душой я уже был там, у меня был готовый контракт на пять лет, и даже неплохая зарплата. Казалось, что в «Милане» кто-то что-то замышляет, по крайней мере так говорили. Знаменитый скандал «Кальчополи» – это вторая тема разговора после триумфа Италии в Германии. То мы вылетаем в серию Б, то с нас снимают пятнадцать очков в качестве наказания, то мы должны вернуть премии и кубки… В определенный момент я начал подозревать, что Джона Леннона убил не Марк Дэвид Чапман, а какие-нибудь менеджеры из «Милана». Я никогда не видел такого бардака, ничего не было понятно, никто не знал истинной судьбы клуба, в том числе и я, и твердо я мог быть уверен лишь в одном: я никогда не спущусь в серию Б. И если бы я ушел в тот момент, я бы чувствовал себя предателем. Человек всегда ставит себе высокие цели, играет из благородных побуждений, и я не хотел брать на себя чужую вину. Предатель платит, что бы ни происходило впоследствии.

Звонил Фабио Капелло, тренер «Реала». И спортивный директор Франко Балдини. Все звонили, я всех слушал, и всех переключал на своего агента: «Тул-лио, послушай, что скажет «Милан». Я должен был вернуться в центр «Миланелло», потому что команда должна была еще пройти квалификационный раунд Лиги чемпионов против команды «Црвена Звезда» из Белграда, чтобы попасть в финальную стадию турнира. Встать со скамейки запасных, чтобы допрыгнуть до крыши небоскреба. После триумфа национальной сборной у нас было всего десять дней на отдых, мы были вымотаны, и надо было снова начинать тренироваться. В этот момент Тинти меня остановил: «Подожди, не возвращайся, я еще раз поговорю с «Реалом», если хочешь, уезжай из Форте дей Марми, но будь дома в Брешии. И не выключай свой сотовый, скоро он зазвонит».

Так оно и случилось. Точнейшее предсказание. Настоящий Нострадамус.

– Привет, Андреа, это Фабио Капелло.

То есть один из самых успешных тренеров за всю историю футбола.

– Здравствуйте, мистер Капелло, как ваши дела?

– Отлично, а у тебя еще лучше. Приходи к нам. Ты будешь

играть в центре поля рядом с Эмерсоном, которого мы только что взяли из «Ювентуса».

– ОК.

Не так уж много времени ему потребовалось, чтобы меня уговорить. Меньше минуты. Еще и потому, что я уже видел контракт. Его тщательно изучил мой агент, который бросился в Мадрид. Мы были оба влюблены, я и Тинти, два подростка с опцией «Любимый номер» на телефоне. Мы звонили друг другу.

– Андреа, у нас получилось!

– Туллио, я впечатлен!

Я представлял себя в белой чистой футболке – одновременно невинной и агрессивной в своей белизне. Я часто думал о Сантьяго Бернабеу, о Храме, о стадионе, который одним фактом своего существования пугал соперников – неверных слуг короля.

– И что нам делать, Туллио?

– Увидимся за обедом, через пару дней?

– На площади Анхель Карбахо?

– Нет, Андреа, в Милане.

– Как это в Милане? Ты сдурел?

– В Милане. Нам не хватает согласия Галлиани.

Того, с ручкой.

И так и случилось. Закуска, первое, второе, чудесное мороженое с печеньем, я знал меню наизусть. Там же, где всегда обедала команда, между кухней и гостиной, где Берлускони играл на пианино и травил анекдоты, на полпути между самой богатой и самой бедной зоной спортивного центра – символами унижения и власти, между тем местом, где убивались за копейки, и тем, где зарабатывали огромные деньги, даже не пошевелив пальцем. Меня мотало между «Миланом» и «Реалом» в самом прямом смысле.

Первым заговорил Туллио:

– Андреа переходит в «Реал».

Потом я:

– Да…

А потом Галлиани:

– Нет, дорогой, никуда ты не переходишь.

И тут он вытащил из-под стола чемоданчик – я улыбнулся, потому что мне на секунду показалось, что у него под столом сидит Моника Левински, как у Билла Клинтона в Овальном кабинете (иногда мне приходят в голову такие странные ассоциации). Из чемодана появился договор, а мистер Бик сказал:

– Ты не уходишь. Ты должен подписать это. Контракт на пять лет, без суммы, здесь пробел, впиши, сколько хочешь.

Туллио практически вырвал его у меня из рук:

– Пусть лучше будет у меня.

Он взял паузу, увез этот договор домой, прочитал и перечитал. Я тем временем уехал в Ковербано на сборы национальной команды. Несколько дней я вообще ничего не знал, я на все забил, я думал на испанском, мне снились сны на испанском, я бродил по улицам Мадрида в своих мечтах… А потом появился мой агент:

– Ты остаешься в «Милане», тебя никто не отпустит.

– Нет…

– Да.

– ОК.

Люди, наверное, думают, что на некоторые решения требуются целые дни и даже месяцы, физическая и умственная энергия – нет, почти никогда. Обычно инстинкт говорит тебе, что надо делать, но пункты договора заставляют делать иное. И сказать «нет» для тебя – непосильная задача. И ты делаешь это с таким тяжелым сердцем. И ты вынужден рассказывать всякую фигню журналистам – тем, кто задает правильные вопросы. Потому что, если тебя спросят, правда ли, что ты уже практически подписал контракт с «Мадридом», ты вынужден врать, выкручиваться, повторять шаблоны для прессы: «Нет, что вы, мне хорошо в «Милане». Да пошли вы…

Жаль, что все это так закончилось. Как бы я помчался в «Реал»! У него больше очарования, чем у «Милана», больше будущего, больше привлекательности, у него больше всего – даже страха, который он вызывает у противников. В любом случае, в конце того сезона я утешился выигрышем Лиги чемпионов. Могло быть гораздо хуже.

Капелло и Бальдини не обрадовались, когда Туллио сообщил им, что я не перейду. У Бальдини осталась цель – заполучить Пирло, – и каждый раз, когда он меня видит, он говорит: «Мне еще не удалось заманить тебя в тот клуб, где я работаю, но когда-нибудь…» Он пытался взять меня в «Рому» до того, как я ушел в «Ювентус», но мне не нравилась ситуация в этом клубе (не он, он великий менеджер, у него есть свой стиль). По крайней мере, он не предлагал мне играть на другой позиции. «Сделаем «Рому» великой!» – говорил Бальдини, но я не доверял американцам, выкупившим контрольный пакет акций. Если бы на тот момент существовала команда, настоящая, а не предполагаемая, в документах, а не на словах, то я бы пошел туда. Город прекрасный, люди замечательные, климат великолепный, но будущего президента, Томаса ди Бенедетто, на тот момент никто еще даже не видел. И то трио управленцев, о котором он говорил: «Палотта – д'Аморе – Руане», – напоминало мне имена авторов

песни на фестивале «Сан-Ремо». Песня «Палотта – д'Аморе – Руане», дирижирует маэстро Винче Темпера – в «Театре Аристон», все в цветах, дирижер спокойно взмахивает палочкой, певец запевает… Название песни: «Рома», спасибо за все». Спасибо Испании, siempre. Кроме «Реала» меня звала и «Барселона». Вторая часть моей мечты.

4. Марионетка

«Я находился в центре торговли на рынке футбола и престижа, и сам этого не замечал»

После разочарования самое верное решение – поиграть в PlayStation: лучшее в мире изобретение. И пока существует PlayStation, я играю за «Барселону» (лишь в самом начале я выбирал «Милан»). Я даже не знаю, сколько виртуальных матчей я сыграл за последние годы: как минимум в четыре раза больше, чем обычных. Во времена «Миланелло» это были я и Неста: мы приходили пораньше, в девять завтракали, закрывались в комнате до одиннадцати и играли, потом тренировка, обед и снова игра до четырех часов дня. Вся жизнь – в игре. Наши схватки были борьбой чистого адреналина. Я выбирал «Барселону», и Сандрино тоже. «Барса» против «Барсы», первым игроком, которого я выбирал, был Самуэль Это'о, самый быстрый, но я все равно часто проигрывал. Я злился, бросал джойстик, просил реванша и снова проигрывал – и даже не мог сказать, что у команды Несты лучше тренер: Пеп Гвардиола у него и Пеп Гвардиола у меня. Мы оба начинали играть в равных условиях. Мы хотели украсть его – в смысле, живого, из плоти и крови, 25 августа 2010-го, когда «Милан» играл в «Камп Ну» за Кубок Гэмпер, а потом мы раздумали: чтобы не поругаться, нам пришлось бы распилить его на две половины, что является весьма неудачной идеей, не правда ли? Ему было бы больно…

В итоге идея украсть человека была реализована им, а не нами – в том смысле, что именно Гвардиола украл меня той ночью. Он вырвал меня из объятий близких людей, ближе которых у меня, может быть, никого не было. В конце матча все преследовали Златана Ибрагимовича – словно заведенную пружину в часах (которую завел, конечно, его легендарный агент Мино Райола), – а он как раз на тот момент испортил отношения с каталонцами и собирался перейти именно в «Милан». Некоторые мои друзья искали его, чтобы предложить сбежать, некоторые его друзья, наоборот, чтобы отговорить, журналисты – чтобы получить от него меткую фразу, которая не заставила себя ждать: «Как было бы здорово играть на «Сан-Сиро» в одной команде с Роналдиньо. Здесь тренер со мной не разговаривает, за последние полгода он открыл рот всего пару раз». Никакой тайны – Гвардиола берег слова для меня. Во всем этом маразме, воспользовавшись тем, что охота на человека продолжается, что от него немного отвлеклись, он пригласил меня к себе в кабинет.

Я выходил из раздевалки и увидел, что меня ждет его

доверенное лицо – друг детства, агент 007 в шлепанцах – Мануэль Эстиарте, в прошлой спортивной жизни один из лучших игроков в водное поло всех времен, второй человек в истории человечества, который умел ходить по воде.

– Андреа, пойдем со мной. Тут кое-кто хочет с тобой пообщаться.

Без шапочки для плавания я не мог узнать его, но чувствовал исходящий от него запах хлора.

– Хорошо, vamos.

Я не заставил себя упрашивать. Был накрыт стол, стояло красное вино.

– Хорошее начало, – прошептал я.

И, к счастью, самый лучший тренер во Вселенной меня не услышал. Его голос был очень похож на мой – не в смысле высоты, а по интонации.

– Присаживайся, Андреа, – сказал он на прекрасном итальянском.

Я не обращал внимания на все, что было вокруг, – сконцентрировался только на том, кто меня пригласил. Гвардиола сидел в кресле. Он начал говорить со мной о «Барселоне», рассказывал, что это особый мир, совершенный механизм, который он изобрел. На нем были темные брюки в тон галстука и белая рубашка. Он был очень элегантным – как и его слова.

– Спасибо, что согласился со мной встретиться.

– Спасибо, что предложил мне это.

– Ты нам здесь нужен.

Да, красноречие – это не его. Через пару минут он уже добрался до сути. Игроком он режиссировал игру, тренером научился атаковать. Все в том же стиле.

– Мы очень сильные, лучшего ты и пожелать не можешь. Но ты будешь украшением! Нам нужен игрок в центре поля, чтобы чередоваться с Хави, Иньестой и Бускетсом, и этим полузащитником можешь стать ты! У тебя есть все, чтобы играть в «Барселоне», и кое-что еще: ты обладаешь высочайшим уровнем.

Я молчал полчаса, просто слушал его. Слушал, иногда кивал. Я был так удивлен этим приглашением, этой встречей, что все мои рефлексы замедлились – я был, скорее, огорошен, чем взволнован. Меня застали врасплох, но это было, скорее, позитивно.

– Андреа, я вызвал тебя, потому что здесь все делается быстро, не будем терять времени. Мы хотим купить тебя немедленно, с «Миланом» мы уже разговаривали, и они сказали нам «нет». Но мы не сдались – мы «Барселона». Мы привыкли к

таким ответам, в конце концов они почти всегда меняются. Мы попробуем еще раз, но и ты начинай что-то делать со своей командой.

До этого момента никто ничего не говорил. Даже мне. Я находился в центре торговли на рынке футбола и престижа, и сам этого не замечал.

– Если ты приедешь к нам, то окажешься в замечательном месте. Наше сокровище – это «Ла Масия», молодежный сектор, какого нет ни у какого другого клуба. Это швейцарские часы, это филармонический оркестр, в котором нет дирижерских палочек, каждый год туда прибывают игроки, готовые надеть наши футболки. Мы создаем чемпионов дома – всех, кроме тебя. Это очень трудно, но прекрасно. Даже от побед можно устать.

Я этого не ожидал. Я был в игре, внутри PlayStation, меня втянуло в мое любимое хобби, я чувствовал себя фигуркой на экране, марионеткой.

– Иди к нам, Андреа. Ты всегда нравился мне как игрок, я хотел бы тебя тренировать.

Я сразу подумал о Сандрино – вот он умрет от зависти, когда я ему расскажу! Я забрал себе пятьдесят процентов Гвардиолы, принадлежавшие ему.

– Пусть «Милан» и сказал «нет», мы не настаиваем, мы подождем.

Я бы пошел в «Барселону», как и в мадридский «Реал», пополз бы на четвереньках. На тот момент это была самая сильная команда в мире. Что добавить? Им удавалось показывать такую игру, которую никто не демонстрировал раньше – фантастические проходы, прирожденное владение мячом! А эта их философия – «Мяч наш, и мы его не отдадим!», их потрясающий синхронизм – игроки под управлением лично Бога, механизм Ролекс с батареей Свотч, точнейший и долговечнейший.

– Скоро увидимся. Хорошего возвращения в Милан – надеюсь, ненадолго.

– Еще раз спасибо, это была очень интересная беседа.

Я вышел из его кабинета опустошенным. В автобус до Милана я сел почти последним, но никто не обратил на это внимания. Остальные смотрели в окна, приклеившись носом к стеклу, наблюдая за тем, что происходит снаружи. Им было интересно смотреть, как Ибрагимович балансирует между двумя огнями: гаснущий факел «Барселоны» и зажигающийся – «Милана». Мы ехали в противоположных направлениях, о нем знали все, обо мне – никто. Если из этих намеков родится истинная любовь, я стану частью величайшей команды, получу совершенно новый опыт – и мне это очень нравилось. Переговоры продолжались еще

некоторое время, «Милан» не уступал – такой финал был предопределен. Тогда они еще считали, что я сам могу чего-то хотеть, намереваться, поэтому они пытались договариваться со мной, не говоря ни слова о «Барселоне». Слова, разговоры, гипотезы – и ничего больше.

Я был бы счастлив тренироваться под руководством Гвардиолы – на его командах видны следы его стиля. Он создает их, лепит, ведет, кричит на них и ласкает их. Он делает их великими. Он доводит их до высшего уровня, выше самого футбола.

Ибрагимович, желая подразнить его, называл его «философом», но если подумать – что в этом плохого? Это прекрасный комплимент. Быть философом означает думать, искать знание, опираться на идею, которая тебя ведет и управляет тобой. Это придает смысл вещам, дает возможность ориентироваться в мире, верить, что в конце концов добро победит зло, пусть даже и с небольшими страданиями. Гвардиола вложил все это в футбол – то есть в неточную науку. Лучи его света рассеяли туман, силой мысли и силой работы, и это было не случайно, а запрограммировано. Очень каталонская смесь, легко переваривается. Виртуальное погружается в реальное, прыжок между сценой и залом – и рядом с ним Эстиарте.

Одним словом, PlayStation.

5. Зеленая миля

«Две команды стоят в центре поля и по очереди, в том порядке, в котором они договорились, пробивают пенальти. Момент, которого я не пожелаю никому»

Гвардиола сидит в дзен-углу с PlayStation, белое поле на жестком диске, тайная полутемная комната, куда меня допустили 9 июля 2006 года. Странное необитаемое место, в котором можно оказаться лишь случайно. Я оказался там ненадолго, но это было незабываемо – этот момент сложнее понять, чем пытаться рассказать о нем. Я был захвачен, я чувствовал себя заложником, но в то же время мне было комфортно, в одну секунду я задыхался, в другую – дышал словно горным воздухом. Закрываешь глаза и видишь множество вещей, открываешь – и все, что тебя окружает, приобретает новые цвета и формы, мир теряет контуры, голова кружится, летит, превращается в воздушный шар, наполненный тысячами мыслей – опасными, тяжелыми мыслями.

Я пробежал столько километров своими ногами, но именно на коротких дистанциях я выматываюсь больше всего – это словно проба моего сопротивления, а не скорости. Нил Армстронг прошелся по Луне, я в Берлине – по зеленому газону стадиона «Олимпия». Есть момент, который я считаю своим, в конце финала чемпионата мира против Франции. Когда Марчелло Липпи, главный тренер сборной Италии, в конце дополнительного времени приблизился ко мне – и я услышал колокольный звон. Я бы хотел, чтобы этот звук был еще громче. Шум был не таким сильным, так что я хорошо расслышал два слова, произнесенные этим великим тренером: «Начинай ты». Имелось в виду, пробивать одиннадцатиметровые. И выйти на поле сразу же, начать это мучительное продолжение невероятного матча – самого невероятного, какой может представить себе футболист, – это не всегда приятная новость. Это значит, что тебя считают лучшим, но если ты ошибешься, то станешь худшим из худших.

«Я пробью вправо, нет, влево, это слабое место вратаря. Нет, лучше в верхний угол – так я точно забью гол. А если я промахнусь и мяч улетит на трибуны?»

У меня смешались все мысли, я сам не знал, что думаю. Я не знал, что придумать, но самое худшее было еще впереди. Когда футбольный матч завершается таким образом (символически – один против миллионов), когда вратарь вынужден отвечать за целую нацию, существует садистский ритуал, предшествующий

тому, что ты должен сделать, крестный путь, который должен пройти именно ты. Две команды стоят в центре поля и по очереди, в том порядке, в котором они договорились, пробивают пенальти. Момент, которого я не пожелаю никому. Нужно пересечь всего пятьдесят метров, но каждый шаг – это шаг навстречу твоим страхам. Сравнение с приговоренным к смерти, идущим по зеленой миле, – последней в его жизни – является, конечно, преувеличением, но примерно передает мою мысль. Я встал, была моя очередь, и инстинктивно подумал:

«Я бью в центр, чуть повыше, Бартез прыгнет и не сможет остановить мяч даже ногами».

Мучение. Пытка. Внутри – настоящая буря. Этот путь был переполнен эмоциями. Я решил идти медленно, бессознательно не желая проиграть; я хотел сделать как можно лучше, никогда не забыть этот проход, когда секунды превращались в часы, и каждый шаг входил в драматическую историю. Я не смог запомнить каждую секунду, многое ускользнуло от меня, в памяти остались лишь разрозненные куски. Я смотрел на поле под ногами, как будто оно отличалось от всех обычных полей, словно мои ноги погружались в вязкую почву, а не в обычный газон. На моих кроссовках были выгравированы имена моих детей, может быть, поэтому я пытался двигаться как можно нежнее. Иногда я поднимал взгляд, смотрел в точку на горизонте, на конец этого пути, и видел не Бартеза, а вспышки фотографов, находящихся за воротами.

«Хоть бы они не ослепили меня, хоть бы они не помешали мне».

Я задыхался, я был в агонии. Я взял мяч – он был тяжелым, как вся та ответственность, которая давила на меня. Я не смог переглянуться с Буффоном – я пытался поймать его взгляд, мне нужен был его знак, жест, совет, но Джиджи было не до моих проблем, он был занят своим. Я погладил мяч, поднял глаза к небу в просьбе о помощи – если Бог есть, он не может быть французом. Вздохнул. Долгий, глубокий вздох. Это был мой вздох – но это мог быть и вздох рабочего, который с трудом дотянул до конца месяца, или богатого противного предпринимателя, или учителя, или студента, или старых эмигрантов в Германии, которые нас не бросили, или миланского сноба, или проститутки на углу улицы. Это был наш общий вздох.

Это кажется невероятным, но именно в этот момент я понял, как здорово быть итальянцем, какая это неоценимая привилегия. Меня в этом убедили не пустые слова политиков, которые сами не знают, о чем говорят, и не видят меры; не книги, которые я изучал на уроках истории – может быть, потому что я слишком

часто держал их закрытыми, и они покрывались пылью (мои родители были правы – это была ужасная ошибка). Но я подумал, что за мгновение до пенальти у меня так открылась душа, что я участвовал в работе невероятного механизма, чувствуя каждую частичку его движения – к механизма несовершенного, полного проблем, старого, несмазанного, но уникального. Вот что такое любовь к Италии.

Я забил гол. Но даже если бы я промахнулся, ощущение осталось бы тем же самым – правда, тогда оно знаменовалось бы разочарованием. Это невероятно – понимать, что твои чувства разделяют миллионы человек – в ту же секунду, по той же самой причине, в разных городах, люди, которые минуту назад были врагами или, по крайней мере, слишком разными, чтобы найти точки соприкосновения. Эта теплая дрожь – за секунду до гола – была самым истинным ощущением, которое я испытывал. Впоследствии мы говорили об этом с друзьями в раздевалке, и я узнал, что был не единственным, кто в такую минуту обратился своими мыслями к Германии.

Это пенальти помогло мне почувствовать самого себя. Как обычно, никто мне не поверит, но я больше чувствую себя Пирло того пенальти на чемпионате мира в 2006-м, чем гениальным Пирло, который забил «черпачок» в 2012-м на чемпионате Европы против Англии. Хотя итог, в конце концов, один и тот же: выбрать лучшее решение, чтобы свести возможность ошибки к минимуму. Чтобы было понятно: я не вел себя как Франческо Тотти, который на чемпионате Европы в 2000 году в матче против Голландии, прежде чем пойти пробить пенальти, сказал Ди Биаджио и Мальдини ставшую легендарной фразу: «Я сделаю «черпачок». Я решил это в последний момент; когда я смотрел на вратаря англичан Харта, у меня в голове разыгрывалась тысяча сценариев. Я уже начал разбег, но все еще не знал, как именно поведу себя, он сдвинулся – настал решительный момент. Внезапно, непредсказуемо мне пришло в голову, что единственное решение, чтобы повысить вероятность гола, – сделать «черпачок» почти на сто процентов. Никакого эксгибиционизма, он мне вообще несвойственен. В этом жесте многие так называемые эксперты видят скрытые знаки, подспудное желание реванша, говорят, что этот жест был тщательно отрепетирован на поле между матчами. Между прочим, в последние дни этого чемпионата Европы мы практически не тренировались (постоянные поездки между Польшей и Украиной вымотали нас и отобрали у нас кучу времени), но неужели можно настолько заранее спланировать такую ситуацию? Для этого надо быть Тотти – или ясновидящим – или глупцом.

Никто не знал, как я забью этот мяч. Я и сам этого не знал. Наверное, таким объяснением я кого-то разочарую – а кто-то решит, что я вру, – но я ударил по мячу снизу из чистого расчета, на тот момент это было наименее опасным и наиболее верным решением. Самым продуктивным, как говорят. И конечно, в представлении всех зрителей это было отличным способом обыграть соперника, имевшего преимущество, превратить поражение в победу, вылет из четвертьфинала в проход в полуфинал – однако, все это решалось буквально в секунды. Как минимум, я так решал, хотя мои друзья были поражены и хотели разъяснений. Сначала они хвалили меня, а потом все как один задавали один и тот же вопрос – хор взрослых, потерявших голову, словно дети: «Андреа, ты сошел с ума?» Это было единственное, что их интересовало.

Они были удивлены, я – нет. Я знал, почему сделал это. И для кого.

6. Рыцарь в голубых доспехах

«Италия значит больше. Больше, чем «Интер», больше, чем «Милан», больше, чем «Ювентус». Чем какая-либо команда»

Это не совпадение и не случай, что подобные чувства можно испытать, лишь надев футболку национальной сборной. Голубой – цвет неба, а небо принадлежит всем. Оно может быть закрыто облаками, но мы помним, какого оно цвета, и знаем, что оно там. После чемпионата мира в 2014-м в Бразилии я перестану играть за Италию, но до того момента никто – разве что Чезаре Пранделли по техническим причинам – не имеет права заставить меня бросить футбол. На тот момент мне будет тридцать пять лет – возраст, в котором пора освобождать место молодым. Возможно, я буду уже не так нужен, как прежде, но в любом случае этот день еще не настал.

Мне нравится быть частью команды, так я оказываюсь в мире с самим собой, меня это расслабляет. Это даже лучше, чем секс: и длится дольше, и если что-то не получилось – это не только твоя вина. У Казановы, по его словам, было шестьсот женщин, но в один прекрасный день ему перестало хватать сил: так может ли он назвать себя счастливым? Я на его месте не был бы счастлив – так твоя жизнь дарит тебе образ иного мира. В команде ты становишься лучше, повышается твой уровень. Лучше быть солдатом в поле, чем в постели. Начинается гимн, и все становятся единым целым, солист вливается в оркестр. И ты сам не можешь оставить национальную сборную – за тебя может решать только тренер: так меньше сложностей и больше нежности.

Ни один клуб, в котором я играл, никогда не просил меня отказаться от игры в национальной сборной – если только в качестве дружеской шутки. Они меня не просили, потому что знали: ответ будет как минимум невежливым. Если это когда-нибудь случится, мне придется пойти против руководства клуба. Все просто. Италия значит больше. Больше, чем «Интер», больше, чем «Милан», больше, чем «Ювентус». Чем какая-либо команда. И это самый важный вызов.

В общем, мне крайне неприятно, когда меня вызывают в Коверчано, а клубы почему-то думают о своих делах. Об Италии вспоминают только на чемпионатах мира и Европы – только если можно отметиться (как говорят победители), подняться на вершину. Они обращают внимание на Кубок Италии, на Лигу чемпионов, а все остальное их мало волнует – ну если только один месяц раз в два года. Я же испытываю гордость, когда

выхожу играть за национальную сборную. Игроки знают, что плохо сыграть в голубой футболке – значит впоследствии иметь проблемы в своей команде. Я никогда не откажусь играть за национальную сборную – это предательство.

Я начал играть за национальную сборную, когда мне было меньше 15, и с тех пор не прекращаю. Это долгий путь – мне он представляется в виде лестницы, вершины которой не видно, но внизу висит четкая табличка: пожалуйста, здесь вход в рай. И на самом деле, чемпионат в 15 лет был для меня слишком тяжелым, тогда я был еще мал (у меня был минимальный возраст для игры в турнире), но формировавший состав Серджио Ватта вызвал меня все равно, на один сезон.

Можно было сфальсифицировать документы, но это было бы неправильно, хотя для того, чтобы я мог играть в «Весне» или «Брешии», пришлось проделать такой трюк. Женщины преуменьшают свой возраст, а я, наоборот, его увеличил. Если меня вызывали на игру, я только радовался этому, потому что можно было пропустить три дня в школе: тогда приоритеты были другими. Впоследствии я выучил все эти уроки на практике, в индивидуальном порядке: ездил по всему миру со сборной Италии (география), выигрывал (история), бегал (физкультура), познакомился с Гвардиолой (философия, история искусств, испанский – нет, каталонский – да).

Мне повезло – моя футболка редкой марки, той самой, которую я всегда обожал. Как болельщик я плохо помню чемпионат мира в 1986-м, но о 1990-м я уже храню все. Песня «Итальянское лето», которую пели Эдоардо Беннато и Джанна Наннини («Возможно, эта песня не изменит правила игры, но я хочу пережить ее без границ и всеми чувствами…»). Для футболистов моего поколения – это гимн радости и победы, и в Германии в 2006-м у нас у всех она была на iPod. Некоторые слушали ее и на чемпионате Европы-2012; спустя двадцать два года она все еще актуальна – как песни Лючио Баттисти. Бессмертен он, бессмертны его эмоции.

Бессмертны и некоторые отношения – например, настоящая, чистейшая дружба. Комната номер 205 в Коверчано – спартанская обстановка, две одиночные кровати, крошечный туалет и терраска – это была комната секретов, сначала с Неста, потом с Де Росси, двумя абсолютными полюсами римского характера. Сандрино – Лацио, Даниэле – Рим, но в Германии их объединило одно неуправляемое чувство. Мы втроем пытались с ним справиться. Неста был травмирован во время матча с Чехией. Столько слез, столько напряжения, он был вымотан и отказывался говорить об этом с кем-либо, кроме нас. Липпи иногда давал нам

свободный вечер, мы брали его с собой на ужин, пытались его взбодрить, но он продолжал повторять фразу: «Я не чувствую себя частью команды, мне больно об этом думать». Однажды мы ехали на машине из Дюссельдорфа, ближайшего города около нашего места жительства – Дуисбурга, – и он был за рулем (с нами ехал еще Барцальи). На дороге я, а потом и Даниэле внезапно прокричали одни и те же слова:

– Ты не туда повернул, нам надо в Аусфарт!

– Но…

– Но что? Поворачивай, Сандрино. Поворачивай.

– Вы уверены?

– Конечно! Давай, поворачивай, не то мы опоздаем, и придется платить штраф!

Он сбросил скорость до нуля за пять секунд и медленно, на тормозах, повернул туда, куда мы ему сказали. Мы оказались в какой-то дыре, без фонарей, как в фильме «Дети кукурузы» – самый ужасный фильм, который я когда-либо видел. Мы с Даниэле смеялись. Неста возмущался:

– Чего вы хохочете? Как мы теперь вернемся?

– Сандрино…

– Черт возьми – мало того, что в газетах пишут, что я пропускаю пасы, теперь еще напишут, что я первый игрок в истории чемпионатов мира, который потерялся!

– Сандрино…

– Я тут! А где мы?

– Сандрино…

– Да хватит ржать! Что вы хотите?

– Сандрино, Аусфарт по-немецки значит выход…

Он даже не попытался замахнуться на нас, но желание у него точно было. Конечно, ему пришлось тяжело тем вечером, но мы добились своего: хоть на пару минут он отвлекся и даже засмеялся.

Сандрино почувствовал себя лучше, но за несколько дней до полуфинала против Германии в Дортмунде на тренировке он попытался поработать, чтобы понять, как обстояли дела с его травмой. Если бы он действительно восстановился, он мог бы выйти на поле. В определенный момент он поднял ногу, едва заметно, и ощутил четкую, ужасную боль растяжения. Он был раздавлен, и мы чувствовали себя не лучше, переживая рядом с ним эту потерю последней надежды. При Липпи и команде он сдержался, но при нас не стал – мы все вместе выплакали столько слез, сколько, наверное, никто никогда не плакал. Он не хотел, чтобы его видели в таком состоянии, и выйти после такого на публику стоило ему сверхчеловеческих усилий.

Когда потеряна мечта и нет дороги назад, необходимо взять себя в руки – и ты платишь за это не только физически, но и психологически. В жизни Даниэле бывали дни и получше – например, когда он ударил локтем МакБрайда в матче против США, – все болельщики это помнят, но не все знают (за исключением тех, кто это делал), что ему стали приходить письма с угрозами, адресованными не только ему, но и членам его семьи. Ужасные слова про самых дорогих ему людей – его родителей. Два раза звонили в дверной звонок и приносили ему почту, ждали Мариа де Филиппи, а появлялся Ганнибал Лектер. Конверты ядовитых писем.

Он с большим трудом переживал это все – я помню долгие периоды, целые дни, когда он не хотел видеть ни одной живой души. Все знают, какой он открытый человек – и когда ему плохо, это все усложняет. Иногда он шепотом спрашивал у нас: «Сандро, Андреа, как дела?» И по этому вопросу было понятно, что он сходит с ума, что он безумно хочет преодолеть все это. Четыре матча дисквалификации – много даже в обычные дни, а в дни чемпионата мира это как пожизненное заключение: тебе кажется, что они никогда не закончатся. А мы, его друзья, еще и не были особенно осторожны в первые моменты и спрашивали его: «Даниэле, ну что за фигню ты сотворил?». Мы понимали, что теряем одного из наших лучших товарищей. Правда, дружба почти сразу брала свое, мы начинали успокаивать и утешать друга, а не осуждать его. Мы слишком его любили.

Письма не перестали идти, но ранили все меньше. Де Росси вернулся и забил один из пенальти в финале – хороший способ дать ответ всем этим придуркам, не знающим даже правил орфографии: в письмах с угрозами попадались глупейшие ошибки. Я с удовольствием помог ему – теперь его очередь помогать, быть со мной рядом, в том числе и на поле. Я говорил ему каждый раз, когда мы виделись: «Деро, после 2014 года в Бразилии я уйду из сборной. НО в этом чемпионате мира я хочу играть в финале».

Жаль, что там не будет Сандрино. Он вышел в Аусфарте.

7. Битвы на вилках

«Когда-то у команд были знамена, и в этих знаменах было все. А теперь думают только об экономии – как бы урезать игрокам те зарплаты, о которых с ними договаривались»

Жозе Моуриньо на своей первой пресс-конференции в качестве тренера «Интера» поразил всех своим великолепным итальянским, сообщив прессе: «Я не пирла» («пирла» – по-итальянски «жопа». – *Прим. пер.*). А я пирла! Пирла и Пирло – вечная тема для шуток, никто не прошел мимо. Я не обращаю внимания, делаю вид, что мне все это безразлично, а сам придумываю шутки про моих друзей. У меня тоже получаются неплохие каламбуры, и не все сразу понимают, что это шутки, думают, что я говорю серьезно. Я про себя улыбаюсь, а они думают, что я серьезен. Я смеюсь над ними, а они и не замечают. Пару раз я получал за это – например, от Гаттузо в «Милане» и в национальной сборной.

Рино не очень грамотный, не оратор, не член Академии делла Круска, но стоит ему открыть рот, и раздевалка превращается в карнавал в Рио. Шутки, приколы, каламбуры – мы не давали ему закончить фразу, все его слова тонули в смехе. В «Маракане», в «Миланелло», в «Коверчано» он говорил по-португальски, сам того не понимая. И по-итальянски, сам того не понимая.

Я звал его «мужланом», он в ответ мог меня ударить, а я мстил ему – крал его телефон и с его номера отправлял кучу SMSок Брайде, нашему спортивному директору.

Однажды, в дни, когда Рино де Жанейро ждал переподписания контракта, я вместо него провел переговоры. Отправил сообщение: «Дорогой Ариедо, если ты мне дашь то, что я хочу, я отдам тебе свою сестру». Он заметил это сообщение и позвонил Брайде: «Эта одна из тупых шуток Пирло». До сих пор мне думается, что в ответ он услышал: «Жаль».

Де Росси перед матчами Италии ждал его в комнате, иногда по полчаса, спрятавшись под кроватью. Гаттузо заходил в комнату, чистил зубы, надевал леопардовую пижаму, ложился, брал в руки книгу и смотрел картинки. Когда он начинал засыпать, Даниэле вытягивал руки из-под кровати и хватал его. А я внезапно выходил из шкафа, как любовник в плохом анекдоте, издавая угрожающие звуки. Рино спокойно все это воспринимал, хотя как-то чуть не заработал остановку сердца: он побил сначала его, а потом меня, для справедливости.

А однажды мы облили его из огнетушителя. Мы выступали в Ирландии, в квалификации для чемпионата мира 2010 года в

Южной Африке, и нам оставалось сыграть матч с Кипром – в Парме через четыре дня, – практически товарищеский матч. Практически бесполезный, и мы к нему даже не готовились. Между делом Липпи дал нам свободный вечер, и мы почти все пошли ужинать вместе, кроме Гаттузо. Возвращались мы пьяными, даже очень, поболтали в холле – спать нам не хотелось, и мы решили придумать что-нибудь. Идея у всех возникла практически сразу: «Пойдем достанем Рино». Тот уже спал в своей ермолке. Когда мы поднимались по лестнице в его комнату, Де Росси нашел огнетушитель и взял его: «Погасим Гаттузо!» Мы постучали, он открыл, сонный, и Даниэле выпустил на него все содержимое огнетушителя, а затем скрылся в нашей с ним общей комнате. Он бросил меня на растерзание этому монстру в трусах, покрытому пеной, который выкрикивал нечленораздельные фразы, но я понял, что он уже полностью проснулся. И начал соображать. Я попытался сбежать, но эта попытка была обречена на неудачу – и я это знал. Когда за тобой гонится Гаттузо, можешь бежать куда хочешь, он все равно рано или поздно поймает тебя. Даже если ты газель или лев. Де Росси из-за закрытой двери упражнялся в остроумии: «Что за звуки? Я слышал их в фильмах Бада Спенсера и Теренса Хилла…» По ту сторону двери Рино, тем временем, демонстрировал мне свои лучшие удары. Потом он пожелал нам спокойной ночи и вернулся к себе, потому что он такой, – либо играет, либо отдыхает, и никаких развлечений – он не выносит потерю концентрации и не может выдержать мысли о том, что он чего-то не сделал, чтобы выиграть матч.

Он суеверен до сумасшествия – в Германии в 2006-м, поскольку все шло хорошо, он играл больше месяца в одной футболке. Было почти плюс сорок, но он был одет как водолаз, а с четвертьфиналов начал вонять. Ему был нужен не огнетушитель, а бидон лаванды.

Он моя любимая мишень, первый объект насмешек, хотя и пытался пару раз убить меня за это вилкой. За столом в «Миланелло» мы издевались над ним как могли, смеялись над ним, когда он ошибался в глаголах (почти всегда), а если ему вдруг удавалось сказать правильно, мы убеждали его в том, что он ошибся, и он нервничал. Я Амброзини, Неста, Индзаги, Аббиати, Оддо: вот группа бессовестных ублюдков.

– Рино, как дела?

– Плохо, вчера мы проиграли. Лучше бы выиграли.

– Рино, попробуй еще раз. Надо говорить: «Было бы лучше, если бы мы выиграли».

– Это одно и то же.

– Не совсем, Рино.

– ОК. Мне было бы лучше, если бы мы выиграли.

– Рино, да ты совсем неграмотный. Надо говорить:

«Лучше бы мы выиграли».

– Я же так и сказал!

– Что ты сказал, Рино?

– Про проигрыш.

– Про какой проигрыш? Ты нам расскажешь?

У него приливала кровь к голове, это было сразу заметно. Мы понимали, что он злится, отбирали у него ножи, он вооружался чем мог – вилкой – и пытался нас уколоть. Иногда зубцы вилки даже входили в кожу. И хотя у нас в столовой были мягкие вилки, вроде тех, которыми едят тунца, некоторые из нас, бывало, даже пропускали матчи из-за этой битвы на вилках, хотя официальная версия гласила «из-за усталости мышц». Когда он совсем сходил с ума от ярости, мы разбегались, и он успокаивался и уходил к себе – и тогда мы возвращались и баррикадировали его дверь диванами, он сидел там и не мог выйти.

– Выпустите меня, скоро начнется тренировка.

– Давай сам, мужик.

Он снова злился, крушил все, но даже когда злится, он остается хорошим. Мне он всегда казался одним из персонажей Вуди Аллена – моего самого любимого режиссера. Мне чудится, как с пеной у рта, в футболке с номером 8 он произносит фразы типа: «Я никогда не ем устриц. Еда нравится мне мертвой. Не больной, не раненой. Мертвой». Или: «Нет такой болезни, которую нельзя вылечить «Прозаком» и хорошей куриной ножкой».

Кстати, я как-то видел, как он на спор ловил и ел живых улиток. Он словно персонаж из фильма, и поскольку я режиссер – и на поле, и в жизни, – такого актера, как он, я не могу упустить.

В раздевалке необходимы такие эпизоды – физически ты стареешь, а морально нет: меньше бегаешь и больше общаешься с друзьями. Каждое его слово – это приказ, и, если кто-то в «Милане» плохо себя ведет, ему придется пройти через Рино и дать объяснения своему поведению – объяснить, почему он себе такое позволяет, и перестать. Когда-то все так и было, и даже добрый старый Вуди не мог бы придумать финала лучше.

Когда-то у команд были знамена, и в этих знаменах было все: древко, веревка, ткань, престиж, возможность поймать ветер и заставить его дуть в другом направлении. А теперь думают только об экономии – как бы урезать игрокам те зарплаты, о которых с ними договаривались.

Когда в команде начинаются споры и из нее выгоняют игрока,

который не соглашается на снижение зарплаты, люди часто реагируют инстинктивно, высказывают сентенции: «Вот еще один богач с жиру бесится. Тут люди голодают, а он миллионами разбрасывается. Хуже политиков. Им сколько ни дай, все мало». Понятно, что есть вполне человеческие причины, но у меня всегда возникают вопросы, не знаю, насколько дурацкие: руководители команды заключали с игроком контракт с пистолетом у виска? Или все-таки они сначала ошиблись в своих расчетах, а потом свалили все на игрока и сделали его козлом отпущения? Что они знают про нас за пределами раздевалки? Вратарь, защитник, полузащитник должны содержать большую семью, возмещать своим родителям те жертвы, на которые они когда-то пошли, платить долги за друзей или родственников. Сначала их заманивали в команду, обещая золотые горы, организовывали заговоры, тайные встречи – почему же они хотят забрать это золото? Разве не они сами – лжецы, которые не могут сдержать данное слово? Почему работодатель может менять условия контракта, которые он сам предложил?

Я не спорю, нам повезло, но мы это заслужили. И мы – не «пирла».

8. Граф Конте

«Он не спит и переживает, как если бы это он играл. И как бы он играл. Он не спит, переживая всю игру заново и перематывая ее в своей памяти»

Мне особенно повезло: я был знаком с Антонио Конте. Мне приходилось общаться с множеством тренеров, но он поразил меня больше всех. Ему хватило одного выступления, из самых простых слов, чтобы завоевать меня и весь «Ювентус», планету, на которую мы вместе приземлились. В первый же день на отдыхе в горах, в Бардонеккья, он созвал команду в зал и представился. У него уже был заготовлен яд. Он двигался мягко и сдержанно, как делают все гадюки.

– Дорогие друзья, эта команда дважды занимала седьмое место в чемпионате. С ума сойти. Отмороженные. Я здесь, чтобы прекратить этот кошмар.

Через пару минут нам все стало понятно – в особенности то, что под волосами у него сидел дьявол. Волосы, может быть, и были ненастоящими – а вот дьявол абсолютно настоящим, неповторимым.

– Все здесь играли отвратительно в последние сезоны – нам нужно что-то придумать, чтобы реабилитироваться и стать снова «Юве». Не просто взять реванш: это не просьба, это наш моральный долг. Нужно сделать одну очень простую вещь: слушать меня.

Первое впечатление оказалось верным: когда он говорит, слова захватывают тебя, почти что силой. Они погружаются в тебя. Даже сейчас я отчетливо помню слова Конте:

– Будьте внимательны, я еще не закончил. Нужно вернуться на конкурентоспособный уровень, на уровень, который пока что остался лишь в истории клуба. Не войти в первую тройку – преступление.

Мы выиграли «скудетто» с первой попытки, и это только его заслуга. Только его – против всех предсказаний. Мы не могли не выиграть с этим одержимым ювентоманией.

– Вы должны злиться, как я. Стоп.

Кратко, как телеграмма, но очень убедительно.

Конте – не гуру и не волшебник, хоть он и достает из цилиндра потрясающие слова. Или ты делаешь, как он говорит, или не играешь. У него вполне достаточно времени. Он видит каждую деталь, использует каждую мелочь, концентрируется на тактике и часами смотрит с нами видео, буквально пригвоздив нас к экрану, объясняя нам вновь и вновь наши ошибки. У него

аллергия на ошибки, и каждый день я молюсь, чтобы от нее не нашлось лекарства.

На поле в Виново во время тренировки мы часто выигрываем, потому что не играем ни с кем. С понедельника по пятницу наших соперников нет. Мы выигрываем одиннадцать против нуля.

Сорок пять минут подряд мы повторяем одни и те же движения, до тошноты, пока он не увидит, что все получается. Именно поэтому мы потом и выигрываем, когда нас одиннадцать против одиннадцати. Если Арриго Сакки – гений, то кто же тогда Конте? Я ждал тренера, но не такого. Думал о тренере с энергией и харизмой, но наш тренер даже тактически и технически во многом превосходит своих коллег.

Если бы я вернулся назад, я бы не сделал только одного: не выбрал бы место рядом с Буффоном в раздевалке «Ювентуса», около выхода. Это самое опасное место во всем Турине, особенно между первым и вторым таймом матча. В перерыве к нам заходит Конте, и даже если мы выигрываем, он бросает в стену – в мою сторону – все, что у него есть в руках, чаще всего пластиковые бутылки с водой. С газом. Много газа. Он превращается в зверя. Он никогда не бывает доволен: всегда что-то сыграно не гениально, он видит наперед то, что может случиться в следующие сорок пять минут. Однажды мы проигрывали «Милану», и он не мог понять причины: «Против этих! Я не понимаю, как мы не можем выиграть у этих! Они играют отвратительно!» В конце игры он исчезает, лишь коротко попрощавшись с нами – и только в том случае, если мы выиграли. Самое худшее наступает ночью, когда он остается один. Он не спит и переживает, как если бы это он играл. И как бы он играл. Он не спит, переживая всю игру заново и перематывая ее в своей памяти. Это пытка, не имеющая конца, словно заевшая мелодия, и непонятно, где начало, где конец, можно различить лишь припев. Он на сто процентов живет своей работой, и она же является его хобби. Я никогда не понимал, сидит ли на скамейке тренер или болельщик, – но в любом случае это исключительный человек.

Ему удалось справиться даже с долгим периодом своей дисквалификации – из-за странной истории со ставками, когда он управлял «Сиеной». Он страдал по средам, по субботам, по воскресеньям, то есть во все дни, когда проводилось официальное мероприятие, а он не мог поучаствовать, а от мысли, что он не может зайти в раздевалку (что, впрочем, все равно иногда случалось), он просто сходил с ума…

Его отсутствие между первым и вторым таймом было очевидным, оно чувствовалось, а его помощники Анджело Алессио и Массимо Каррера делали всего лишь то, что он им

говорил, и не могли придумать ничего нового. Даже в интервью после матча им было нечего сказать: они лишь показывали свои лица, а все мысли принадлежали Конте.

В те дни я никогда не видел его плачущим или отчаявшимся. Перед вынесением приговора мы были в Китае, и на его лице было написано напряжение, он целыми днями общался по телефону со своими адвокатами. С игроками он никогда не обсуждал подробности – ему удавалось держать нас в стороне от своих волнений, как если бы ничего не изменилось. Только однажды, перед взрывом бомбы, он вызвал лидеров команды – среди них были я, Буффон, Кьеллини, Маркизио: «В такой момент мне нужна ваша помощь, больше, чем обычно. Выкладывайтесь по максимуму на тренировках и в матчах, без меня в раздевалке разговаривайте со своими товарищами – не будьте равнодушными, не разрушайте то, что нам удалось вместе создать».

Нам было очень жаль и его, и его ассистента Кристиана Стеллини, который в определенный момент оставил «Ювентус»: он был частью команды, проводил кучу времени с игроками. На поле он следил за линией защиты, и когда он ушел, его отсутствие мы переживали очень тяжело. После товарищеского матча в Салерно он пришел в мою комнату в отеле, где мы жили. Было три утра.

– Андреа, я больше не могу оставаться. Я ухожу, просто потому что люблю «Юве» и хочу, чтобы все немного успокоилось.

В общем, я понял одну вещь. Настоящая проблема – в ставках, в официальных, легализованных ставках. С момента, когда их легализовали, бардака стало только больше – у тех, кто хочет играть в нечестную игру, появилась возможность ими пользоваться. Что касается серий B и C, то по ним нужно принять решительные меры – вообще запретить ставки на матчи этих чемпионатов. Особенно в C – более того, в Лиге Про, которая так называется, хотя никто об этом не помнит, – в ней игроки, которые неделями не видят зарплат, и они договариваются между собой, программируют результаты матчей, ставя на них в агентствах и получая неплохую прибавку к концу месяца. Да и в B дела обстоят не лучше.

Можно поспорить: если не будет официальных ставок, их место займут ставки, организованные мафией, каморрой или кем-нибудь в этом духе.

Возможно, это так, однако сначала надо решить проблему официальных ставок, а потом справляться с неофициальными. Если нет первого шага, невозможно сделать второй. Лично я считаю, что игроки, пойманные на махинациях со ставками,

должны быть дисквалифицированы. Команда от ухода таких ничего не потеряет. Я не представляю, что должно происходить в голове у таких людей, включая так называемых чемпионов: думаю, желание заработать как можно больше денег, имея уже бесконечное количество, – это болезнь.

Мне никто никогда не предлагал ничего подобного – и в этом смысле играть в «Милане» столько лет было большой удачей: там не было договоренностей о результатах матча заранее, и на поле выходили только за победой. Если бы хоть кто-то попытался вовлечь меня в такие дела, я бросил бы его в стену. Я не агрессивный, но могу им стать.

Такое ощущение, что все слепые и глухие. В серии В творятся невероятные вещи, особенно в конце чемпионатов: нереальные матчи, и никто ничего не говорит. Ни один игрок ни разу не встал и ничего не сказал. Все только шепотом, ходят слухи, что и в серии А есть команды, которые, скажем так, иногда друг другу помогают. Игроку ведь бывает трудно отказать своему товарищу, который предлагает ему «комбинацию». Как можно? Если он играет в твоей команде, если он твой друг? Случись такое со мной, я бы убил его. Но с каким лицом ты пойдешь потом рассказывать властям, что он, именно он, совершил ошибку? А виноватым останешься ты, и последствия расхлебывать тоже придется тебе.

Думаю, объективная ответственность должна стать обязательным правилом: ты ошибаешься, ты втягиваешь меня, я говорю тебе «нет», и, если я тебя не сдам властям, меня тоже привлекают за это. Деньги не возвращаются.

Чтобы уменьшить проблему, нужно не только отменить ставки, но и создать премии за выигрыш. Условный пример, чтобы лучше объяснить: команда Б, вторая в турнирной таблице, играет с командой В у которой нет никаких особенных интересов. Если команда Б проиграет, то чемпионат выиграет команда А, которая является первой в итоговой турнирной таблице. Тогда команда А говорит команде В:

«У нас есть деньги. Они ваши, если вы обыграете команду Б». Тогда все будут играть без фальшивок и трюков, до самого конца. В других странах такое случается, но не в Италии. Слишком много интересов вовлечено.

Готов поспорить.

9. Черно-синее приключение

«Утром я вставал и не помнил, кто сегодня мой тренер. Конечно, мне было даже немного смешно от того, что вытворяет мое подсознание. Грустно, но смешно»

Я бы не поставил ни цента на свое будущее в качестве тренера. Эта работа меня не вдохновляет, нужно слишком много думать, а стиль жизни при этом слишком похож на жизнь игроков. С меня хватит. Хотя бы какое-то время я поживу обычной, частной жизнью. На свете есть всего один Конте, и так и должно быть. И Липпи, даже когда злился, не очень отличался от игроков. В Германии мы стали чемпионами мира благодаря команде – хотя в какой-то момент наш главный тренер, наверное, думал: «Как же вы все мне надоели». До одной восьмой финала, когда мы играли с Австралией и выиграли этот матч благодаря пенальти (спорному) Тотти, он собирал нас всех в зале и ругал: «Вы слишком много говорите с журналистами, не можете ничего сохранить в секрете. Чего вы добиваетесь? Я не могу даже доверять вам». Он не давал нам вставить ни слова – это был монолог. Лицо искажалось от гнева, он рвал на себе воротничок и не мог успокоиться. В итоге он послал нас всех и сказал: «Пошли вон, не хочу иметь с вами ничего общего. Сволочи. Сволочи и шпионы». Все это длилось минут пять, и в конце многие из нас поглядывали одним глазом на реакцию Пиппо Индзаги.

Липпи позволяет вырваться наружу эмоциям, которые остальные скрывают, и иногда высказывает мысли, которые и мне приходят в голову. Когда я вижу его, мне всегда думается: если бы он остался тренером «Интера», я бы мог стать под его знамена. Беппе Бергоми с усами поменьше, Эстебан Камбьяссо с волосами побольше. Моя карьера пошла бы в ином направлении. Если бы он был на тренерской скамейке, я на всю жизнь остался бы в клубе, за который болел в детстве. Фанат с соской. Моим неизменным идолом был Лотар Маттеус, игравший под номером 10, – он забивал голы, передавал пасы и был для меня лучшим. День, когда я встретил его на отдыхе в Виареджо и он дал мне автограф, надолго остался самым прекрасным и важным днем в моей жизни. После немца появился Роберто Баджио, и, к счастью, моя комната оказалась достаточно большой: на стене уместились два постера, и не пришлось выбирать, кого из них снимать, какого бога изгнать с Олимпа.

Когда я играл в «Брешии», я все еще болел за «Интер», но потом побывал в «Интере» и передумал. В конце сезона 1997/98 я играл в национальной сборной до 21 года, и мне позвонил мой

агент: «Андреа, ты должен перейти. Мы договорились с «Пармой», ты теперь их игрок. Когда вернешься, просто подпишешь контракт». Я был счастлив, меня несло на крыльях радости, но весь свой энтузиазм я вложил в краткое «ОК». На следующее утро, когда я вернулся домой после матча, все изменилось. Еще один звонок телефона – более живой, чем обычно, более интенсивный.

– Привет, Андреа, это снова Туллио. Смотри… Сегодня ночью президент «Интера» Моратти позвонил президенту «Брешии» Кориони, и они говорили о тебе. Они заключили соглашение и менее чем через десять минут уже пожали друг другу руки. В общем, ты идешь играть в команду твоего сердца. Ты в «Интере». Ты сделал это. Готовься – нам предстоит медицинское обследование в «Аппиано Джентиле».

Я испытал взрыв радости еще сильнее, чем прежде, но просто сказал:

– ОК, хорошо.

По мне этого не было видно, однако, я был самым счастливым человеком в мире, я гордился тем, что нырнул в свои постеры. Я тоже хочу висеть на стене. Я догнал Роналдо, Баджо, Джоркаева. Как часто я смотрел на них, находясь среди болельщиков на Сан Сиро, в черно-синем шарфе на шее. Когда мне было шестнадцать лет, руководители команды – прежде всего Сандро Мадзола – позвали меня в Эйндховен, в Голландию, на пробный матч.

В своем первом сезоне в «Интере» я много играл. До чемпионата все было отлично, потом Джиджи Симони давал мне много времени на поле с первых минут матча, потом Мирчеа Луческу давал больше возможностей ветеранам, потом Лучано Кастеллини меня достаточно много задействовал, потом англичанин Рой Ходжсон коверкал мое имя, и я стал «Пирла» – может, он лучше прочих понял мою сущность? В тот сезон Моратти сменил четырех тренеров, и именно тогда я начал страдать от сильнейших мигреней, вплоть до провалов в памяти. Утром я вставал и не помнил, кто сегодня мой тренер. Конечно, мне было даже немного смешно от того, что вытворяет мое подсознание. Грустно, но смешно. На следующий год они взяли Липпи, я играл все лето под его руководством, но потом он отозвал меня в сторону и абсолютно искренне сказал:

– Андреа, тебе будет лучше поиграть в другой команде, хотя бы один сезон. Тебе нужно набраться опыта, увидишь, это будет полезно.

Так я оказался в «Реджине» и, действительно, многому научился – прежде всего брать на себя больше ответственности и бороться по колено в грязи.

В начале сезона 2000/01 года я вернулся в «Милан», и там все еще был Липпи, но продлилось это недолго, до первого дня чемпионата. Все помнят его пресс-конференцию, после перехода из «Интера» в «Реджо Калабрия», в которой я не участвовал из-за травмы: «Будь я президентом Моратти, я выгнал бы тренера, а игрокам надавал пинков». Он был удовлетворен своими словами, хотя по отношению к игрокам в его словах слышалась почти нежность. Жаль, что он ушел, – у нас с ним было особое взаимопонимание, мы схватывали мысли друг друга на лету, мне было достаточно одного взгляда, я слепо доверял ему, и мне нравилось с ним работать.

Его место занял Марко Тарделли, бывший тренер национальной сборной до 21 года, с которым я выиграл чемпионат Европы. Может быть, он не узнал меня, но при нем я не играл. Мне было плохо, я страдал. Сколько раз я порывался сказать ему: «Засунь себе знаешь куда этот свой знаменитый вопль?» – но вовремя останавливался. Я не хотел больше быть с ним и с этой командой, из-за него все ушло, он убил любовь, которая могла стать бесконечной. Я хотел уйти и сделал это, благодаря единственному звонку Тинти:

– Забери меня из этого дурдома, ни ногой больше в «Интер», никогда. Найди мне любую другую команду, любую!

Я вернулся в «Брешию» на полгода, потом пошел в «Милан» за двенадцать миллиардов лир и Гульельминпьетро. Угадайте, кто провернул это дельце? Я не люблю ни о ком плохо говорить, и о Тарделли в том числе, ведь это он дал мне возможность играть. Часто он бросал фразы типа: «Я это делаю для тебя, чтобы ты не выгорел», но это было больше похоже на извинение. В команде спортсменов до 21 года говорили, что молодежь – это будущее. Если бы остался Липпи, я бы рассказывал совсем другую историю, ту, которую я часто слышу на пляже Пьеро в Форте дей Марми от своего соседа по шезлонгу: «Андреа, знаешь, если бы ты вернулся…».

Я знаю, он зазывает меня в раздевалку «Аппиано Джентиле» – мой сосед по шезлонгу Моратти. Единственный грустный момент в моем уходе из «Интера» – это наше с ним расставание. Он замечательный человек, именно такой, каким его показывают по телевизору. Отец семейства, Господь Бог, хлеб насущный в мире акул. Он болельщик, безудержный фанат, и часто эта его страсть тоже приводила к ошибкам, которые, конечно, нельзя вменять ему в вину. Мало таких президентов, как он. Он пытался сделать все, чтобы его клуб стал великим – как до него отец Анджело. Это династия поэтов, романтиков, тех, кто выигрывает и создает уникальные воспоминания в нашем сердце. Я все еще люблю,

буду любить и точно знаю, что это чувство взаимно. Каждый раз при встрече он говорит мне тысячи искренних комплиментов. Благодаря ему ни в майке «Милана», ни в майке «Ювентуса» я не считал «Интер» врагом. Однако черно-синее приключение началось и закончилось совсем не так, как я хотел.

В те долгие периоды, когда мне хотелось, чтобы мир повернулся в обратную сторону, друзья дали мне отличный совет: «Если чувствуешь, что больше не можешь, думай о чем-то, что тебя расслабляет». Совет точный – эксперимент удался. На скамейке запасных или, еще хуже, на трибуне, я прикрывал глаза и представлял себе, что поставил голые ноги в огромную деревянную лохань (без кроссовок, без носков, без утяжелителей и без какого-либо давления). Я давил виноград, топал по нему, танцевал на нем. Я выжимал из фруктов жизненные соки, превращая их в вино. Я вспоминал о тех днях, когда мы собирались у бабушки Марии на маленькой ферме Колер в районе Флеро. Я сражался с кожурой, давил сок, и это первая метафора, которая возникает у меня перед глазами, когда я думаю о разнице между добром и злом, полезным и бесполезным. Это были дни, когда собиралась вся босая семья, потому что вместе со мной виноград всегда давило огромное количество родственников.

Может быть, именно во время этих воображаемых путешествий, бегств в мир фантазии, необходимых, чтобы чувствовать себя живым, я начал ценить определенный градус опьянения. В дни отдыха я надеваю футболку «Ювентуса» и прохожу вдоль рядов винограда. Теперь здесь «Пратум Коллер», сельскохозяйственное предприятие моего отца. Специализация: белое, красное, розовое вино. Мы выпускаем и «коктейли», и на них можно здорово сэкономить: «пирло» – это не только я, но и знаменитый аперитив Брешии. Ингредиенты просты: белое игристое вино, кампари и содовая.

Говорят, я начал пить его, когда играл за «Интер». Говорят.

10. Золотая лихорадка

«Я считал, что Кубок мира и Лига чемпионов стоят гораздо больше, чем Золотой мяч, но вслух этого не сказал. Надо бы добавить, что у меня есть и то, и другое, а у Месси нет Кубка мира. Но так меня примут за сноба – а я не сноб»

Бывало и так, что я напивался до такой степени, что меня посещало желание эксгумировать шарф «Интера» или ручку «Милана», посмотреться в зеркало и увидеть там высокого блондина с голубыми глазами. Обычно такое бывает после триумфов, потому что после поражений не пьют в компании, не поднимают тостов. В общем, максимально напиваешься от радости, а не от горя. От горя думаешь, а от радости разрушаешь сам себя.

Церемония вручения Золотого мяча (самой престижной индивидуальной награды, которую может принести домой футболист) – это часть истории, отметка на шкале ценностей. Мне никогда его не получить. Награждают всегда других. Ну и ладно.

В 2012 году, например, сразу после того, как Италия стала второй в чемпионате Европы, и я выиграл «скудетто» с «Ювентусом», я был седьмым в рейтинге с 2,66 % голосов. То есть ни с чем. Выиграл Месси, 41,6 %, потом шел Роналду (тот еще…), Иньеста, Хави, Фалькао и Касилльяс. Хорошо, Месси действительно номер один, в этом нет сомнений. Это правильный результат, и я понял, что международное жюри, состоящее из тренеров сборных, капитанов и журналистов, испытывает слабость к тем, кто умеет забивать гол. Поэтому они больше смотрят на нападающих, которых считают более решительными, чем их товарищи по команде, за редкими исключениями – например, в 2006-м царь Каннаваро. Важно проснуться в нужное время в нужном месте с мячом в ногах. Ассистент – это всего лишь аппендикс. Без паса нет гола, но я не злюсь, что голосующие забывают об этом.

Пранделли и Буффон голосовали за меня, но я и сам выбрал Месси, как и большинство. Оставаться на его уровне столько лет невозможно для любого, кроме него, хотя, конечно, рядом с ним есть люди, которые тоже бегают и потеют, прислуживая тому, кто выше их. Пока есть он и Криштиану Роналду – будет эта борьба двоих, или, скорее, борьба одного, потому что Криштиану Роналду всегда приходит вторым. Я уверен, что Золотой мяч для меня – это слишком, мне никогда не достичь его, и я знаю,

почему.

Я не смотрю церемонию награждения по телевизору, хотя раз в год и мог бы сделать над собой усилие. Точнее, я оставляю «Скай Спорт» на фоне и занимаюсь своими делами. Оставаясь на своем седьмом месте, я издалека слушаю монологи Блаттера, президента национальной Федерации футбола, который в 2006-м отказался вручать нам Кубок мира из-за откровенной антипатии к Италии, передав другим людям эту ужасную – с его точки зрения – обязанность.

Он выступал с трибуны Конгрессхауса в Цюрихе, а я играл в футбол со своим сыном Николо в Турине.

– Пап, пойдем, посмотрим, кто выиграл.

– Да.

Я не бросал мяч. Торжественный момент наступил.

– Пап, пойдем, посмотрим телевизор.

– Да.

– Быстрее, быстрее.

– Иду.

Мы теряли время, для меня там не было никаких тайн. Четвертый Фатима или первый Блаттер. Мы даже не сели, смотрели стоя, и Николо смотрел гораздо внимательнее, чем я, он взял пульт и прибавил звук.

– Месси выиграл, он первый.

– Тоже мне новость.

Ожидаемый и неоспоримый результат. Я считал, что Кубок мира и Лига чемпионов стоят гораздо больше, чем Золотой мяч, но вслух этого не сказал. Надо бы добавить, что у меня есть и то, и другое, а у Месси нет Кубка мира. Но так меня примут за сноба – а я не сноб.

– Второй Роналдо.

– Странно…

– И Иньеста на подиуме.

Иньеста несколько месяцев назад получил звание лучшего игрока чемпионата Европы. Организаторы УЕФА сказали мне в Киеве, перед финалом с Испанией:

– Андреа, лучший – ты, но мы дадим тебе премию, только если выиграет Италия.

Результат все помнят: четыре – ноль в их пользу.

– Папа, папа, пятый Фалькао, шестой Касиллас, и Пирло, Пирло! Папа, это ты!

– Точно.

– Ты седьмой! Ты опередил Дрогба, Ван Перси и даже Ибрагимовича.

– Давай продолжим играть.

Поскольку это важная новость: на первых двух позициях были игроки атаки. Все как обычно, в индивидуальном зачете это закон. Грандиозную ошибку совершают президенты команд, когда не понимают, что в конструкции команды важно другое. Афиши продают абонементы, но именно клей позади них приносит победу. Защита значит гораздо больше, и настоящий успех рождается именно в задних рядах. Выигрывает тот, кому забивают меньше голов. Технически Роналдо (это правда) был самым сильным игроком, с которым мне доводилось выходить на поле, это настоящая военная машина, но в более сложной перспективе лучшим был Мальдини. Защитник. Защитнище! Превосходная степень. Просто превосходная. Физически, ментально, он был великолепен, его желание играть, которое я видел, когда только прибыл в «Милан», было таким же, как и в сорок лет. Его страсть – пример для меня, мой компас не только в карьере футболиста, но и во всей жизни. Нет личных очков, только очки в таблице. Он научил меня, как делать все. Как выигрывать и проигрывать, как быть ассистентом, как сидеть на скамейке, как страдать и радоваться, как вести себя, как злиться и как прощать, как подставлять другую щеку и как бить первым, как быть собой, а иногда и кем-то другим. Молчать, говорить, решаться, доверять, закрывать глаза, открывать их, оценивать нужный момент, доверяться инстинкту, быть островом и быть портом, быть эгоистом и быть игроком команды, менять направление и указывать путь. Всем противоположностям. Мальдини – и сам Мальдини, но немножко и я тоже. И не видеть его в «Милане» после его ухода, хоть он и остался в структуре клуба на позиции менеджера, мне было очень больно. Как можно не оставить такого игрока, выставить его на продажу, рискуя потерять навсегда? У меня нет ответа – его вообще нет. Мы с ним продолжаем дружить и часто говорим об этом. Не секрет, что между ним и Галлиани не сложились отношения, начиная с момента, когда пошли переговоры о продлении контракта: мистер Бик предлагал ему заключить соглашение только на один год, и Паоло не вынес этого, он почувствовал себя униженным, обиженным. То, что ему не предложили высокой должности, и необязательно позолоченного письменного стола, вырвало у него кусок жизни. Как в бою Тайсона и Холифилда – побеждает всегда лысый. Не важно, атакует он или атакуют его.

С Костакуртой у меня тоже были и есть отличные отношения, они оба для меня всегда главные эксперты по всем вопросам, даже самым незначительным. Какие ботинки надеть? Спрошу у Костакурты. Какой галстук лучше? Спрошу у Мальдини. Какая позиция больше подходит мне на поле? Спрошу у Костакурты и

Мальдини. Как вести себя за столом? Спрошу у Мальдини и Костакурты. Иногда, особенно в самом начале, мы просто обращались друг к другу, чтобы почувствовать это ощущение единства, ощутить внимание. Они говорили, а мы выигрывали, между нами создавалась магическая атмосфера, втягивавшая каждого, кто приближался к нам. Как на Рождество, когда достаточно послушать «Джингл Белс» и увидеть какого-нибудь старика в костюме Деда Мороза – и все, праздник уже с тобой.

В защите «Милана» играли Барези, Тассотти, Не-ста, Тиаго Силва, игроки высочайшего уровня, живые щиты, защищавшие от чужих ошибок. Если нападающий ошибается, он может исправиться, а потом забить гол и получить Золотой мяч. Если ошибается защитник – тут вопрос более сложный. В процентном соотношении те, кто играет сзади, совершают меньше ошибок, чем те, кто впереди. Иначе матчи заканчивались бы со счетом четыре-пять или пять-шесть (команды, которых тренирует Земан, – отдельная тема, потому что они находятся за пределами реальности). Возвращаясь к «Милану»: пока у него есть такие защитники, которые делают то, что хотят, на передние позиции можно ставить кого угодно. Одна фигура стоит другой.

Будь я президентом, я бы никогда не собрал команду с чемпионами в атаке и посредственными игроками в защите. Это просто реклама для болельщиков.

11. Тайная мечта Берлускони

«Раньше я за него голосовал, хотя он никогда не просил нас об этом, часто повторяя, что мяч – это святое, а политика для дураков»

– Андреа, мы взяли Хунтелаара, оставайся. – Сильвио Берлускони улыбался, протягивая мне листочек, который только что достал из своего вечного чемоданчика. Это была статистика нового атакующего, которого он только что купил. Сидя рядом с ним, меня изучал Господин Ручка, пытавшийся уловить на моем лице позитивное выражение, понять мою реакцию. Мы втроем сидели в каминном зале «Миланелло» (хотя снаружи все знали, что мы здесь). Хунтелаар – отличный игрок, он умеет забивать голы, много голов, он пришел из «Реала», но он не из тех, кто может выиграть Золотой мяч.

– Ну, Андреино?

В этот день у нашего президента было важное задание: заставить меня остаться, снять с багажной ленты уже упакованный и закрытый чемодан. Это был август 2009 года, я уже договорился с «Челси», куда тренером ушел Анчелотти – наш папа, наш учитель, милый симпатичный человек, с которым я провел лучшие годы своей карьеры, он много встречался с игроками, хотел, чтобы они хорошо играли, и отдавал все команде (даже лучше, чем Мадзоне во времена «Брешии», который до четверга передавал тренировки своему заместителю, а сам при этом сидел в раздевалке, закутанный в пальто, потому что болел). Это он стал моей путеводной звездой в Лондоне. Берлускони тем временем достал еще один листочек: список имен, одно из которых было обведено в кружок.

– Оставайся, мы взяли Хунтелаара. Хунтелаар…

– Мы могли приобрести и других, там был и Клаудио Писарро, но мы выбрали его, Хунтелаара…

– Слушай, Андреа, не валяй дурака. Ты символ «Милана», ты знамя этой команды, и мы уже продали Кака. Ты не можешь взять и уйти, это будет страшный удар, в том числе и по имиджу. Все не могут уйти.

Во время Кубка Конфедераций, в котором я только что закончил играть с национальной сборной Южной Африки, мы с Анчелотти часто созванивались, в том числе и потому, что часовой пояс в тех краях примерно совпадал с Англией. Я постоянно слушал его серенады. Он хотел любой ценой заманить меня в Лондон, и именно цена была последним и единственным препятствием. Непреодолимым. «Милан» просил слишком много,

кроме того, он хотел включить в переговоры технически сильных игроков, таких как Иванович – защитник, которого «Челси» не собирался лишаться ни при каких обстоятельствах.

– Господин президент, мне очень приятно, что я знамя команды, но здесь у меня заканчивается контракт, а там мне предлагают, и на четыре года.

За пять миллионов евро за сезон, но дело не в деньгах. Важен срок контракта, срок всегда имеет значение.

– Да в чем проблема, Андреа? Об этом ты договоришься с Галлиани, я уверен. Считай этот вопрос решенным.

– Вы уверены?

– Увереннее не бывает.

На словах «не бывает» президент уже выходил из комнаты с сообщением для прессы: «Андреа Пирло снимается с продажи, он останется с нами и закончит свою карьеру в «Милане»». Вскоре я перешел в «Ювентус». Берлускони, он такой. Актер, который точно знает, чего хочет, величайший президент, которого обожают на высших уровнях хорошего футбола. Простого выигрыша ему недостаточно.

В моменты своей занятости в политике он мало появлялся в «Миланелло» и на стадионе – только на матчах, и всегда очень уставший. Дерби, игра с «Барселоной», «Милан» – «Ювентус». Годами он не заходил к нам, и мы чувствовали его отсутствие, но все менялось, когда он все же ненадолго приходил в «Миланелло». Это сложно понять и еще сложнее объяснить, но мы чувствовали что-то позитивное, как только раздавался шум его приближающегося вертолета. Это синдром брошенной собаки: услышав шаги хозяина, она начинает вилять хвостом. Он выходил, разговаривал со всей командой и заводил нас, как пружины (с этой точки зрения он был лучше, чем Конте), приглашал нас одного за другим в комнату рядом с раздевалками, в паре метров от основного поля. Он обожал разговоры один на один, и дольше других задерживался с Индзаги, которому иногда даже звонил. Им было, о чем поговорить. Мне Берлускони никогда не звонил. Раньше я за него голосовал, хотя он никогда не просил нас об этом, часто повторяя, что мяч – это святое, а политика для дураков. Конечно, он давал нам понять, что именно его политическая программа сделает Италию великой, и сравнивал успехи команды со своими политическими достижениями, мы часто слышали, как он говорил о созданном им миллионе рабочих мест. Минус одно – мое. Он часто обновлял свои данные и свою статистику – совсем не такую, как у Хунтелаара.

Хунтелаар… Что ж, углубимся в столь интересный нам

вопрос, как говорят на шоу Бруно Веспа. Контракт с итальянцами, в деталях проработанный «Миланелло». Потом внезапно, краем глаза увидев, что Анчелотти вот-вот выскажется против и заблокирует все, он сменил тему:

– Карлетто, запомните, мне нужна команда с двумя нападающими.

Как забыть, если он повторял это миллиарды раз. И ему, и всем остальным.

– Карло, мы должны стать хозяевами поля и хозяевами игры. В Италии, в Европе, в мире.

Они обсуждали тактические вопросы, но финальное решение всегда оставалось за нашим тренером, который, как говорится, был мужиком с яйцами. Великий человек. Несмотря на разногласия и на окончание их сотрудничества, они друг друга уважали.

Чего не скажешь о других тренерах, например, о турке Териме, которого впоследствии заменил именно Анчелотти. Странный и невероятный человек с аллергией на любые правила. Он понимал, что долго с нами не пробудет, и в итоге покинул нас. Он сформировался в команде, где ему позволяли делать все, что он захочет. В «Милане» же царила несколько иная атмосфера. Он опаздывал на обед, на официальные встречи, бросал мистера Бика одного за столом и мчался смотреть реалити-шоу, бродил по «Миланелло» в одежде вызывающих цветов. Он был похож на Джона Траволту. С ним ходил, как тень, совершенно чокнутый переводчик, который однажды посоветовал ему не разговаривать с прессой. И это в «Милане» – команде, где коммуникация всегда была на высочайшем уровне. Да и в раздевалке у переводчика часто возникали сложности с передачей слов Терима.

Наш тренер, жестикулируя, говорил на турецком:

– Ребята, нам предстоит один из самых важных матчей сезона. Многие нас критикуют, но я в вас верю и буду продолжать верить. Мы не можем сейчас проиграть, от нас столько всего ждут, на нас моральные обязательства – мы не должны никого подвести. Мы делаем это для нас, для президента, для болельщиков. Есть в жизни такие моменты, когда необходимо поднять голову, и этот момент настал. Давайте, ребята. Давайте.

Переводчик, спокойный, как лопата, выдавал на итальянском:

– Завтра приезжает «Ювентус», мы должны выиграть.

Один говорил пять минут, второй – пять секунд.

Терим:

– Андреа, через тебя пройдут все самые важные мячи, играй по-крупному, не торопись. Оцени ситуацию и отдай мяч тому, кто свободен, у кого меньше соперников рядом. Мы очень зависим от

твоего выбора, ты чрезвычайно важен для «Милана» и для его типа игры. Но я повторяю: никакой спешки, нужно спокойствие и хладнокровие. Сначала думай, потом передавай мяч, так мы сможем сыграть великий матч и показать всей Италии, что мы еще живы. Что мы еще чего-то стоим. А теперь все на поле, я хочу супертренировку, фантастическую по своей интенсивности, лучшую тренировку года.

Переводчик:

– Пирло, разыгрывай мяч. Пошли тренироваться.

Чудесно выглядели технические собрания, в особенности в самом начале. Терим в раздевалке вставал у доски, брал мел и рисовал одиннадцать кружков. Каждый кружок символизировал игрока. Но в определенный момент на доске появлялось столько записей, что никто уже не помнил, где тут защитники, где нападающие и где центр. Было только понятно, где вратарь.

Он указывал на кружок и говорил:

– Костакурта, сделай то-то и то-то. Я отвечал за него:

– Мистер, но это я.

Когда он спутал защитников и атакующих, я начал подозревать, что он делает это специально. Четыре нападающих на поле и только два защитника: тайная мечта Берлускони. Но Терим хорошо понимал, что без президента, именно этого президента, «Милан» станет ничем – и экономически, и с точки зрения влияния. Без его денег и сил команду ждет такой же конец, как и многих других.

После побед на чемпионатах Европы и мира Берлускони сходил с ума. Буквально. Он пел, бренчал на гитаре с верным Апичелла, рассказывал анекдоты. «Милан» в определенный момент стал самым титулованным клубом мира, и мы указывали это перед каждой игрой. Как и Берлускони, самый выигрывающий президент мира.

И он взял Хунтелаара.

12. Стамбульская трагедия

«Меня не взяли бы даже в «Зелиг», так отвратительно было мое последнее выступление. Я смотрел на линию поля: кончилась история, кончилась дорога, кончился я»

Однажды я решил завязать с мячом, но не из-за Хунтелаара. Я не хотел больше ничего слышать о футболе, меня от него тошнило. Я слишком наелся футболом и боялся, что меня вырвет. Даже не из-за Ибрагимовича и Оньевю, моих друзей по «Милану». Первый – единственный страстный швед, которого я знаю, второй – единственный американец, который предпочитает футбол бейсболу, баскетболу, американскому футболу, хоккею и даже гамбургерам из «Макдоналдса». Один раз я видел, как они дрались хуже гопников с окраин, во время тренировки в «Миланелло», как они делали друг другу больно, ломали ребра, пытались друг друга убить, несмотря на призывы прекратить и успокоиться. Они говорили впоследствии, что это было просто столкновение, но нам это больше напомнило «Горца». Должен остаться только один. Они меня пугали, но не им удалось убить мою веру в будущее (им было совсем не до меня).

Я хотел уйти, потому что после Стамбула ничего больше не имело смысла. Финал Лиги чемпионов в 2005-м, победа «Ливерпуля» над «Миланом» после разгромного счета три – ноль меня убила. За шесть минут нам забили три гола, мы проиграли по пенальти – казалось бы, из-за Дудека, этого танцующего осла, вратаря, который, прежде чем ловить мяч, начинает показывать балетные па. Однако на самом деле вина лежала на всех нас. Я не знаю, как это могло случиться, но мы действительно отвратительно сыграли. Всей командой нам следовало совершить групповое самоубийство, взяться за руки и прыгнуть с моста между Босфором и Дарданеллами. Знаменитый пролив – такой узкий, что в него протискиваешься, словно в бутылочное горлышко. Я чувствую, как он все еще зовет меня, плещется и приглашает прыгнуть в свои волны.

В раздевалке стадиона «Ататюрк», как только закончился этот позорный матч, мы чувствовали себя полными кретинами, обескровленными зомби, мы попали в неожиданный сюжет: из нас высосали всю кровь, до самой последней капли. Мы не разговаривали, не двигались, нас зачеркнули, раздавили. Наш провал, очевидный в те минуты, в последующие часы накрыл нас всей силой своего позора. Бессонница, гнев, депрессия, опустошение: мы заболели новой болезнью, синдромом Стамбула.

Я больше не чувствовал себя игроком, и это было ужасно, но

что хуже – я вообще больше не чувствовал себя мужчиной. Футбол интересовал меня в последнюю очередь, так как меня мучили угрызения совести. Я не смотрелся в зеркало, так как боялся, что плюну туда.

Мне казалось, что единственное возможное решение – уйти. Меня не взяли бы даже в «Зелиг», так отвратительно было мое последнее выступление. Я смотрел на линию поля: кончилась история, кончилась дорога, кончился я. Я ходил, не поднимая глаз, даже в самых дорогих мне местах, так как боялся встретить сочувственные взгляды (а то и кое-что похуже), многие смотрели мимо меня, словно не узнавали, и это вызывало и усталость, и тревогу. Тревогу, что меня нет – как в Турции в определенный момент нас как бы не было на поле. Мы играли 25 мая, в Италии чемпионат еще не закончился, так что мы были вынуждены вернуться в «Миланелло» и тренироваться, нести свой крест еще четыре дня. До 29 мая – последнего дня серии А игры с «Удинезе» на «Сан-Сиро», и невыносимый стыд, который мы испытывали, стал нашим худшим наказанием. Мы были на нулевом уровне.

Далее был краткий и отвратительный период жизни, когда нельзя было никуда убежать от этого мира, мы были вынуждены играть с другими соперниками, но чувствовали, что нас лишили чести, и все разговоры возвращались к тому матчу. Мы спрашивали себя и не находили ответов, а Джиджи Марзулло предложил посещать коллективный психоанализ, что было не так уж глупо. Мы все были больны. Нам был нужен доктор. Мы воображали себя то Шевченко, то Креспо, то Гаттузо, то Сеедорфом, то Неста, то Кака. А я был Пирло. И мне нелегко было это пережить. Я плохо спал, и каждое утро меня с новой силой накрывала мысль: «Я отвратителен, мне нельзя больше играть». Я засыпал с мыслями о Дудеке и всех его друзьях из «Ливерпуля», этот футбольный кошмар не имел конца. С «Удинезе» мы сыграли ноль – ноль, про гол даже не вспомнили, и ужас продолжался, мы знали, что, когда мы откроем глаза, ничего не изменится. Для футболистов «Милана» были еще задания в национальной сборной, чтобы прославиться (опозориться), но Липпи в Коверчано посмотрел на нас секунду и сказал:

– Ребята, вы полностью разбиты.

Какая интуиция! Это заметил бы даже слепой, наше состояние можно было прочитать азбукой Брайля.

– Спасибо, что хотя бы приехали.

Мы ничего не понимали. Мы не могли играть. Я здоровался с сотрудниками технического центра так, как будто вижу их в последний раз – потому что я действительно считал, что это будет последний раз. Лучше уж сменить профессию, чем

переживать такие мучения.

Отдых, с его медленным течением дней, наладил многое, но не все. В первый день я хотел броситься в пустой бассейн, во второй – уже в бассейн с водой, но так, чтобы не выплыть, в третий – в детский бассейн, на четвертый – умереть, дыша рот в рот резиновой уточке. Мне становилось лучше, но ненамного. Ощущение этого абсолютного бессилия перед судьбой никогда не покинет меня полностью, часть его всегда останется со мной и будет тянуть меня вниз. Если я сегодня в чем-то ошибаюсь, это следы того самого ужасного периода моей жизни. DVD я убрал далеко, потому что матч «Милан» – «Ливерпуль» не должен ранить меня второй раз. Он и так уже нанес мне много ран. Я никогда не стану пересматривать этот матч, я столько раз играл и переигрывал его мысленно, пытаясь найти, в чем причина поражения. Как в фильмах с плохим концом, я до конца надеялся, что все все же кончится хорошо, и главный герой не может так погибнуть, но нет, все именно так и было.

Мы реабилитировались два года спустя, в 2007-м, опять против англичан и опять в финале Лиги чемпионов. В Афинах мы выиграли с дублем Индзаги – один из двух голов он забил с моего паса, но наша радость была не так велика, как радость тех армий, которые одна за другой выигрывали бои в этом городе. Говорят, что месть – это блюдо, которое подают холодным. В Греции труп был еще теплым, мы отомстили, но не забыли. Мы и хотели бы забыть, но не могли. Пятно на нас осталось – вплоть до того, что кто-то предложил повесить в коридорах «Миланелло» рядом со знаменами победы черный флаг в память того нашего позора. Как знак будущим поколениям, чтобы они не чувствовали себя непобедимыми и помнили, что после первого шага нет дороги назад. Я бы поместил результат этого матча в золотой альбом команды, в центре списка кубков и «скудетто», выделив его другими чернилами. Это стыд, но он повышает ценность добытых кубков. В этом состоит секрет хороших хозяек, которые покупают в супермаркете прошутто «Сан Даниэле», воду «Парма», настоящий пармезан, вино бароло и кислый, грустный йогурт. Дома муж и дети замечают это, никто из них не стал бы пить такой йогурт, они набираются смелости и говорят маме: «Мама, любимая, пожалуйста, не бери больше такой йогурт». Они видят в нем ошибку, стилистический провал, исключение, которое только подтверждает правило. Этот лишний элемент хозяйка выбрасывает, а все остальное остается в силе – выходит, что она все предусмотрела. Прекрасный план: удовлетворить одно, пожертвовав другим. И никогда больше ее семья не увидит в холодильнике этот блеклый йогурт, как, надеюсь, и мы никогда

больше не переживем вечер, подобный 25 мая 2005 года. Я бы не смог перенести этого, даже будь у меня семь или девять жизней, как у кота. Я бы покончил с собой, бросившись в ванну с водой или зайдя в клетку с голодными доберманами.

Из черных дней своей жизни надо извлекать уроки. Копаться в глубине своей души – наш моральный долг, чтобы найти там проблеск надежды, жемчужину мудрости, фразу, которая поможет тебе пережить эту горечь. Я попытался и нашел лишь фразу «вот блин».

13. Любимые кроссовки

«Обычно суеверия начинаются, когда что-то идет не так: вратарь пропускает слишком много голов, нападающий не может забить»

Да, именно «блин». Блинский. В Стамбуле, столице всего отвратительного. Я не суеверен, но мне становится легче, когда я скажу какое-нибудь ругательство. Это единственное, чем я могу защититься от судьбы, когда она атакует со всей силы. Некоторые предпочитают более серьезные суеверия, доходит даже до колдовства. Например, Альберто Джилардино, мой друг по «Милану» и национальной сборной. В его сумке, помимо экипировки истинного футболиста, – халата от Dolce & Gabbana, шлепанцев от Dolce & Gabbana, костюма от Dolce & Gabbana, трусов от Dolce & Gabbana, очков от Dolce & Gabbana, парфюма от Dolce & Gabbana и геля от Oreal – просто потому, что Dolce & Gabbana не производят гель – есть пара кроссовок, старых, жутких, разбитых, вонючих, со стертой подошвой. Археологическое ископаемое. При этом они содержатся в идеальной чистоте, он хранит их, словно сокровище: полирует, гладит, разговаривает с ними и целует их. Сумасшедший дом. Технический спонсор запрещал ему выходить в этих кроссовках на официальные матчи (в этих кроссовках ходил еще Аттила, царь гуннов), напоминая ему, что теперь уже больше не выпускают черно-белые телевизоры, что Сандро Петрини уже давно не играет в карты в самолетах, что Джона Фитцджеральда Кеннеди уже давно убили. Эта последняя новость его особенно поражала, он спрашивал:

– Ты серьезно?

Но потом снова доставал свою гордость:

– Я их не выброшу.

– Джила, но почему? В них дыры, как в сыре эмменталь!

– Потому что я забил ими кучу голов: когда они в моей сумке на поле, они передают свои флюиды новым кроссовкам.

– Джила…

– Магические флюиды.

– Джила…

– Клянусь тебе. Если я их запихиваю в другие вещи, так это только для того, чтобы флюиды вышли из их подошв и перешли в новую пару. Чтобы я быстро действовал и добивался нужного эффекта.

– Тогда выжми их, как лимон, и полей все их соком.

– Молодец, Андреа, хоть кто-то меня понял. Для этого не

нужно быть гением.

– Ты прав, гением быть не нужно…

Думаю, эта пара кроссовок была у него со времен, игры в «Биеллезе» или около того. Он терял голову из-за этого реликта, это был его амулет, без которого он чувствовал себя ужасно:

– Если они со мной, я забиваю гол, если я их забываю дома, то прошу тренера отправить меня на скамейку, все равно ничего хорошего у меня не получится.

Ну это в любом случае лучше, чем Индзаги, потому что его ритуал был куда неприятнее. Он какал. Очень много какал. Само по себе это неплохо, но он делал это на стадионе, в раздевалке, за несколько минут до игры, и некоторых из нас это нервировало. Особенно если раздевалка маленькая, потому что вонь в замкнутом пространстве быстро распространяется. Иногда он по три-четыре раза заходил в туалет в течение десяти минут.

– Ребята, мне от этого легче.

Ему, конечно, было легче, а вот нам – нисколько.

– Пиппо, нам не легче. Что ты съел, труп?

– Коммуниста, ребята! – прокричал бы Берлускони, а Индзаги спокойно отвечал:

– «Плазмон».

Вопрос, по правде говоря, был дурацкий. Он действительно ел детские печенья «Плазмон» каждый день и каждый час, и мы это знали. Новорожденный сорока лет от роду. В конце он должен был обязательно оставить два на дне упаковки, ни одним больше, ни одним меньше:

– Так астральные силы будут на моей стороне.

Удивительная связь между печеньем и планетами.

– И пожалуйста, не трогайте их, иначе пропадет равновесие.

Кишечное равновесие. Мы всячески пытались утащить у него эти печенья, но безуспешно. Он тщательно охранял их – не хотел делиться ни мячом, ни печеньями:

– Я же для вас стараюсь, вам нужны мои голы.

Помимо этого детского десерта, он был абсолютно однообразен в своем питании: белая паста с красным соусом и вяленое мясо на обед, белая паста с красным соусом и вяленое мясо на ужин. Меню на всю жизнь. За столом он вел себя всегда так, как перед вратарем вражеской команды: всегда одно и то же, без фантазии, но с максимальным эффектом. Во время обеда он сидел и ждал, пока официант принесет ему блюдо, и сосредоточенно съедал его, во время матча он так же ждал, пока мяч прикатится к нему, и просто посылал его в ворота. Всегда в одних и тех же кроссовках, которые он не менял, играя в них в любой сезон, к которым он испытывал подозрительную любовь (с

годами я понял, что все игроки атаки – фетишисты). Без магических флюидов, но с кучей заплаток. Как и кроссовки Джилардино, они были древними, но в отношении их хозяина к ним было серьезное отличие:

– Хоть они и разбитые, я не перестану играть в них. И никто не заставит меня передумать. Только эти мягкие.

– Что ты говоришь, Пиппо? Все кроссовки профессиональных футболистов мягкие.

– Нет, ты ошибаешься. Только эти.

Чокнутый, но хороший. Очень симпатичный. Не лучше его – или не хуже – Себастьяно Росси, вратарь, двухметровый мужичище, шкаф с необъяснимой манией. Во время разминки перед матчами никто не имел права проходить позади него. Это было абсолютно запрещено его правилами:

– Плохая примета, это сулит автогол.

Мы все в «Милане» знали об этой его слабости. И конечно, не сообщали о ней своим соперникам. В том числе и Андреа Перлуцци, который однажды оказался на нашем стадионе. На «Сан-Сиро» был небольшой зал, где вместе разминались обе команды. Росси делал упражнение с нашим тренером, он стоял около стены и не двигался. Тут ему попал в руки мяч, и он сделал два шага вперед, чтобы поймать его, и именно в этот момент приблизился Перлуцци. Он шел спокойно, направляясь именно к нему. Росси бросил все, и, чтобы преградить ему дорогу, довольно сильно ударил его. Послышался шум, потом слова:

– Иди отсюда, здесь частная собственность. За мной никому нет прохода.

Как будто он повесил табличку со словами «не входить» и своим лицом вместо собачьей морды. Реакции не последовало лишь потому, что Перлуцци понимал: сумасшедшим надо сочувствовать, а не ругаться с ними.

– Себа, ты мог сделать ему больно.

– Жаль, что не сделал.

В раздевалке он забирал себе все ножницы – ими мы обычно отрезали клейкую ленту, которой приклеивали защитные щитки к носкам. Он должен был первым использовать их, а нам разрешалось брать их только после него:

– Если мы поменяем эту привычку, удача от нас отвернется.

Когда он говорил это, я прикасался к яйцам, чтобы никогда в жизни это его предсказание не сбылось.

В «Реджине» стоило поучиться у Паоло Фольо, защитника, который не шел спать, пока ему не удавалось поставить свои кроссовки на носки, в хитром балансе у стены, один на другой. Геометрическое упражнение. Было забавно смотреть на него во

время этих экзорцизмов – по-моему, он просто не знал, куда девать свободное время. Обычно суеверия начинаются, когда что-то идет не так: вратарь пропускает слишком много голов, нападающий не может забить. Или на «Плазмоне» забастовка – в случае с Индзаги.

Я стараюсь оставаться разумным даже в трудные моменты, которых, к счастью, было немного. Надеюсь, что остальные тоже видят, что я нормальный, неэксцентричный человек. Мне нравится слышать, когда отец говорит своему сыну:

– Пирло молодец, бери с него пример.

Можно и без странностей быть очень сильным на поле. Можно и без сумасшествий служить примером. Мне не нравятся даже татуировки, хотя у меня их три, но они маленькие и незаметные: имя моего сына Николо китайскими иероглифами на шее, А – первая буква имени его сестры Анджелы под ним, и имя моей жены Деборы на безымянном пальце под обручальным кольцом. Они совершенно незаметны другим – это чувства, которые принадлежат только мне. Я чувствую их на своей коже, я хочу, чтобы они были там. В «Ювентусе» суеверных очень мало по сравнению с другими командами, в которых я играл: Конте очень религиозный человек (прежде чем выйти на поле, он целует святых, кресты, мадонн и четки), и определенных ритуалов он бы просто не потерпел. Исключение, правда, существует: президент Андреа Аньелли. Во время моего первого сезона у черно-белых он пропустил все выездные игры:

– Я уверен в победе только в Турине, за его пределами чувствуются негативные вибрации.

Мы выиграли «скудетто», победили «Кальяри» на стадионе «Рокко» в Триесте, и его с нами не было, но это не обсуждается. Кто платит, тот всегда прав.

14. Династия Аньелли

«Вы должны стать ювентистами, переживать этот опыт, расширять его. Берите пример с тех, кто был до вас, и подавайте пример тем, кто будет после»

Его дядя адвокат, его отец доктор, а он Андреа. Обычный парень из семьи высококлассных специалистов, все Аньелли («ягнята» по-итальянски. – *Прим. перев.*). По имени «ягнята», но в душе львы. Никогда не отгораживался, всегда готов пообщаться с обычными людьми, потому что Андреа – один из нас, один из них, болельщик, только такой, чьи слова могут поднять игроков на ноги. Они всего его братья, это остров коммунизма внутри капитализма. Он платит, остальные играют, и все рады. «Ювентус» – не его игрушка, это дело всей его жизни, семейная страсть, частная собственность, впрочем, и общественная тоже. Наследство, тщательно хранимое и приумножаемое. Президент. Наш президент. Он пришел из прошлого и создает будущее, будет и пребудет, это основной пункт нашей черно-белой жизни. Его девиз: «Работать и еще раз работать!» Он мог бы и обойтись без этого, но чувствует, что должен: «Только так можно достигнуть цели и выиграть». Он почти болезненно дорожит своей командой: обожает друзей и ненавидит врагов. Он злится в их присутствии, хотя и не злой сам по себе, он не желает говорить с ними и отвечает таким тоном, что сразу понятно: неуважение к «Ювентусу» – это плевок ему в лицо. Он бьет такими словами, что диву даешься. А между тем он прекрасный президент в своей команде, он никогда не повышает голос, что бы ни происходило – хорошее или плохое, пока смерть не разлучит нас, потому что он женат на нас и думает сначала о нас, а потом о себе. Он любит нас, и мы это видим.

Как и Конте, он умеет выбрать правильный момент и сказать то, что необходимо. Спокойным голосом, почти что без эмоций. Он мог бы говорить про Джанни Аньелли, про Умберто Аньелли, но не делает этого. Он мог бы говорить про Мишеля Платини, Роберто Баджо, даже про Алессандро дель Пьеро, но и этого он не делает. Он не вдается в подробности ни своей династии, ни истории команды, не любит сравнивать. Это было бы некрасиво. Однако часто я слышу от него:

– Играть здесь – это привилегия, это прекрасно, это судьба немногих, и за это надо благодарить небеса. Все, кто надевал майку «Ювентуса», рано или поздно выигрывали. Один, десять, сто трофеев. Этот клуб – это все. Он должен стать таким для вас. Вы должны стать ювентистами, переживать этот опыт, расширять

его. Берите пример с тех, кто был до вас, и подавайте пример тем, кто будет после.

Кирпич на кирпичик – и счастье становится таким простым.

И когда он говорит о другом, все равно его главная тема – «Ювентус». Он всегда заходит в нашу раздевалку, но необязательно что-то сказать. В трудный период, во время нового сезона после «скудетто» в Триесте, случалось, что он рассказывал о «Ryder Cup» в гольфе – еще одном виде спорта, который он обожает:

– Ребята, есть такое соревнование, которое проводится раз в два года, куда приходят самые сильные игроки Европы и США. Это самое лучшее состязание, самое благородное, это настоящий рай. В 2012-м его проводил «Medinah Country Club», неподалеку от Чикаго. В конце первых двух дней американцы вели десять – шесть, они были в шаге от победы, от мечты, от всего. Не хватало четырех с половиной очков до победы. Для тех, кто не знает, – это очень мало. А европейцам нужно было выбить шесть из двенадцати, чтобы завоевать кубок.

Он вообще-то говорил о людях в позолоченных шапочках и блестящих кроссовках, с клюшкой в руке, о неторопливых прогулках по лучшим лугам. И тем не менее ему удалось привлечь наше внимание. Мы воодушевились, ему удалось коснуться нужных струн. Мы слушали его в тишине, словно и мы тоже ходили по зеленым лугам Иллинойса.

– В последний день соревнования команда Европы совершила чудо. Она не только сравняла счет, но и выиграла. Силой воли, потому что воля может все. Она пробивает стены, она обнуляет различия, она учит летать. США были бессильны, они пережили наиболее сокрушительное поражение за всю историю «Ryder Cup». Они проиграли, они попали в жуткую ситуацию. Это было «Чудо в Медине» – «The Miracle of Medinah». Ребята, мы не должны проиграть.

Я сходил с ума, меня била дрожь. В какой-то момент Андреа напомнил мне Аль Пачино из фильма «Каждое воскресенье», культового фильма, в котором он играл тренера команды американского футбола. Незабываемые слова, кино, которое заставляет твое сердце биться. Я смотрел на нашего президента и видел американского актера, а он продолжал свое выступление:

– Или мы восстанем как команда, или уступим. Сантиметр за сантиметром, схема за схемой, до победного. Мы в аду, господа. Поверьте мне. Мы можем в нем и остаться, позволять бить нас, или идти вперед, к свету. Мы разрушим стены ада, сантиметр за сантиметром. Я не могу сделать это за вас.

Мы сделали это для него. Потом я вернулся домой, включил

компьютер и стал искать информацию о «Ryder Cup» и об этом матче. Я хотел знать больше, Андреа воодушевил меня. Я выучил имена героев: Хосе Мария Ользабал, капитан, но не игрок. Потом Рори Маклрой, Юстин Розе, Пол Лори, Грэм Макдауэлл, Франческо Молинари, Люк Дональд, Ли Вествуд, Серджио Гарсиа, Петер Хансон, Мартин Каймер, Николас Кольсарец и Ян Пультер. Двенадцать человек – как и мы, ювентисты, которые тоже выигрывали командой в двенадцать человек: полевые игроки и помогавший нам арбитр, а также публика, которая за нами наблюдала. Дома и на выезде. Мы, они, Андреа, все за Андреа, и Андреа за всех.

Мы с ним понравились друг другу с первой минуты. Встреча, которая растопила лед, случилась в «Ювентусе», в переулке Галилео Феррарис в Турине, в день, когда я подписал контракт, перед фотографами и телекамерами.

– Я счастлив, что ты с нами, Андреа, – сказал он.

– Андреа, я здесь, чтобы выигрывать, – ответил я. – Эти слова мне нравятся.

Он с самого начала произвел на меня хорошее впечатление, и надеюсь, что обо мне он думает так же. Спортивная любовь с первого взгляда, а ведь она могла и не состояться, с учетом того, что пришел я из «Милана», из которого ушел с гневом. Познакомившись с Андреа поближе, я обнаружил в нем черту, которой мы очень схожи: как только он что-то выиграл, он немедленно хочет выиграть что-то еще. Он не успокаивается, он быстро научился биться как титан. Он вернул «Ювентусу» тот менталитет, который существовал ранее и страшно раздражал меня, когда я был их соперником: играя против них, ты знал, что они будут биться до последней капли крови, не беречь себя, падать и подниматься, забивать гол и сразу другой через несколько минут, ты их загонял, а они только злились, и злыми они становились еще сильнее. «Кальчополи» тоже приложил руку к этому «Ювентусу», но я на всю жизнь останусь уверен, что они выиграли бы все то же самое, опираясь только на свои собственные силы. Без помощи извне. Вот почему, хотя я и пришел из мира врагов «Ювентуса», после этого «скудетто», выигранного в Триесте, я надел футболку с надписью «30 на поле». Настоящий, завоеванный «скудетто», не подаренный и не украденный. Если ты не черно-белый или не стал им, тебе этого не понять. Это было возвращение к нормальности, постепенная перемена.

Андреа – воинственный президент в теле человека, который живет обычной жизнью человека его возраста. Он спокойно ходит по Турину в джинсах и рубашке, останавливается поболтать с

теми, кто хочет с ним поговорить. Он отвечает на вопросы болельщиков, принимает их советы и выслушивает их критику, объясняет свою точку зрения. Он живет городом, он слышит слова людей, в будущем я хотел бы видеть его мэром. После своего первого «скудетто» он праздновал вместе с нами на дискотеке «Какао» в «Парке Валентино». Он радовался, танцевал, пил и пел в караоке. Я не помню, была ли это песня «Иди в задницу» в адрес Марко Мазини, который болеет за «Фиорентину», но мне хочется думать, что так. Посвящено всем, кто в нас не верил. Он сказал нам:

– Вы моя гордость. Я не так давно президент, и вы сделали мне суперподарок. Я знал, что мы станем лучшими в Италии, но думал, что на это понадобится больше времени. Да, и теперь Италии мне недостаточно.

Я услышал в голове мелодию Лиги чемпионов. Андреа бросил на меня взгляд. Андреа Аньелли. Стопроцентный Аньелли.

15. В центре внимания

«Не так легко пережить девяносто минут, когда тебя преследует мастиф: он собака, а ты кость, и к этой практике я никогда не привыкну. Это превращает футбол в рестлинг»

После первого завоеванного «скудетто» Андреа взял меня на мушку. Он смотрел на меня, стреляя цветами вместо пуль, любовь, а не война, забейте гол и дарите его мне. Невероятный, легкий, как мечта, он был на седьмом небе от счастья. Ни облачка, тридцать градусов на солнце и почти религиозное желание смотреть на солнце, сжигая сетчатку, потому что в раю не нужны темные очки, они мешают созерцать свет, делают его слишком мутным, неразличимым и неясным.

Ничего общего с теми красноречивыми взглядами, которые бросал мне Андре Скембри, полузащитник «Мальты», в эмилианской ночи. Он был очарован мной, я уверен. Я прочел это в его глазах в форме сердца. Он впервые запал на меня в Модене, когда Италия играла против его национальной сборной, с первого взгляда в раздевалке и безо всякой взаимности. Это был 2012 год, 11 сентября, он был камикадзе футбола – и любви. Его совершенно перестал интересовать мяч, он словно сдулся и больше не был нужен, бесполезный аксессуар, ему было интересно только мое присутствие рядом с ним, то есть его рядом со мной. Мы вместе бежали, я и моя тень, он следовал за мной, я замедлялся и тормозил, я был жертвой его преследования. Я бы вызвал карабинеров, если бы мы с ним были в темном переулке одни, а не на футбольном поле, на глазах двадцати тысяч человек. От страсти он даже меня ударил.

– Что ты делаешь?

– А что?

– Что ты делаешь? Ты пялишься на меня так, что, наверное, уже знаешь мое лицо наизусть, пинаешь меня и еще ни разу не прикоснулся к мячу. Может, ты будешь играть, а не ходить за мной хвостом?

– Я не могу, наш тренер сказал мне, что я должен думать только о тебе, и ни о чем другом. Моя миссия – остановить тебя.

– Да, но мяч – вон там, он далеко от нас, дай мне передохнуть, не надо стоять в десяти сантиметрах от меня.

– Хрен с ним, с мячом, я должен смотреть только на тебя.

Нам нужно было обручальное кольцо. Я, Андре, беру тебя, Андреа, в свои соперники, чтобы пинать тебя, преследовать и мешать тебе играть каждый день своей жизни, пока смерть не разлучит нас. Меня страшно бесило это поведение, я всегда

полагал, что вампиры существуют лишь в сказках, и был разочарован, обнаружив одного в реальной жизни. Мальта играла против Италии, Скембри – против меня. До сумасшествия, до нервного срыва.

– Ты так развлекаешься? Мне тебя жаль…

– А я не развлекаюсь, я этого и не говорил, это твои предположения, я лишь следую указаниям моего тренера.

– Так ты не получишь удовольствие от матча.

– Ты тоже.

И он был прав. Я тоже, и не впервые. Были времена, когда тренеры противников приказывали своему лучшему игроку останавливать «треквартисту», то есть наиболее серьезного и точного противника. Цель была проста: не дать ему коснуться мяча. Потом ситуация поменялась, футбол эволюционировал, и теперь основное внимание обращают на центрального полузащитника, который продумывает и выстраивает игру, то есть на такого игрока, как я, к которому тренер приставляет своего худшего игрока. Это заканчивается всегда одним и тем же: я ухожу с поля с синяками, как в матче против «Ромы», где за мной гонялся Франческо Тотти, один из тех, кто получил подобное указание, но потом он попросил у меня прощения, и мы помирились. Это был не его промах, я уверен, что он сам бы не стал так делать. Не так легко пережить девяносто минут, когда тебя преследует мастиф: он собака, а ты кость, и к этой практике я никогда не привыкну. Это превращает футбол в рестлинг.

Иногда я обмениваюсь футболками с людьми, которые преследовали меня весь матч, – так было и со Скембри, потому что из-за нашего тесного взаимодействия я чувствовал себя так, будто знаю его всю жизнь. Я стараюсь избавиться от них, найти решение, как мне получить мяч и вести свою обычную игру, но иногда это действительно сложно сделать. У кого нет класса, у того есть ноги и дыхание, это роботы без мозга, но с телом качков, так что, если мне не удается дриблинг и я сталкиваюсь с одним из них, мне больно. Тренеры других команд действительно боятся меня, иначе они бы не стали вырабатывать такую тактику, но это слабое утешение. Почти все, кто меня преследовал, сосредотачиваются только на оскорблениях, атакуют они только если действительно вынуждены это делать, но когда они теряют мяч, они возвращаются ко мне и забывают обо всем. Они хотят побить меня.

Даже сэр Алекс Фергюсон, менеджер «красных дьяволов», который усилил «Манчестер Юнайтед» и превратил его в бронированный крейсер, человек без единого пятна на репутации, тоже впал в искушение и нарушил чистоту и трезвость своей

тактики. В одну из наших встреч, когда я играл в «Милане», за мной бегал Парк Джи-Сун, первый кореец в истории клуба, по поводу которого можно пошутить насчет ядерной бомбы, потому что он на поле носился со скоростью электрона. Он бежал вперед, возвращался назад, пытался атаковать, если не мог, то возвращался ко мне, трогал мою спину, заставляя меня почувствовать, что он рядом, смущал меня, смотрел на мяч и не понимал, что он такое. Неопознанный крутящийся объект. Его запрограммировали остановить меня, и только на это, и он делал это со страстью. Хотя он уже был очень известен, он играл, как сторожевая собака, сам ограничивая свои силы.

Я переживаю все это как невероятную несправедливость, и нередко мне было жаль моего контролера сегодняшнего дня, игрока, и прежде всего мужчину, которого попросили выйти на поле только для того, чтобы разрушать игру, а не строить ее, просто быть худшим игроком и портить мою игру.

Я словно бродячий цыган на поле, игрок центра поля в поиске угла, где смогу двигаться свободно, хотя бы на секунду, без преследователей или мальтийцев за спиной. Несколько квадратных метров, на которых можно реализовать свое кредо: я беру мяч, передаю его товарищу, и товарищ забивает гол. Это называется помощь, и это величайшее призвание.

Именно поэтому мне так трудно перейти в другую зону поля, по крайней мере, пешком, без шарабана – ходил даже слух, что я цыган, из ветви ромалэ, точнее, синти. Перед матчем Италия – Румыния на чемпионате Европы в 2008-м в Австрии и Швейцарии об этом написали в газете, дав пищу для размышлений.

Сначала я плюнул на это и посмеялся над заголовками, но потом бомбардировка средств массовой информации стала невыносимой, вылезли лживые и неприятные детали, касающиеся моей семьи. Они подглядывали за нами, смотрели, что мы делаем, писали об этом, распространяли новости о наших привычках, о местах, которые мы посещали, о людях, с которыми мы встречались, вмешиваясь в нашу частную жизнь и в жизнь людей, находившихся рядом с нами.

Я знаю, как мог родиться такой слух. Помимо производства вина, мой отец Луиджи занимается черной металлургией в «Elg Steel»; в этой фирме также работает мой брат. Поскольку торговля и обработка металла – традиционная работа в среде синти, кто-то сделал вывод, что мы принадлежим к этой национальности. Один плюс один, два плюс два – вот и готова серия статей.

Если бы я начал это опровергать на повышенных тонах, я мог бы кого-то оскорбить. Это был бы протест против целой национальности, против стольких людей, которые могли бы

неверно интерпретировать мое желание доказать правду, приняв его за расизм. Я не хотел так рисковать, потому что ненавижу расистов. Если бы я публично объявил, что я не синти, у меня могли бы от этого возникнуть трудности, и даже больше у цыган, и тогда их частная жизнь подверглась бы нападкам. Это бы превратило футбол в охоту за интервью, чтобы рассказать миру, что Андреа Пирло знает, насколько рискованно взаимодействовать с современными средствами массовой информации, и предпочитает избегать их.

Люди этого народа – это другая нация, другая культура, они – одно, я – другое, и мы все прекрасны, мы части одного пазла. До сегодняшнего дня я не рассказывал, что моя семья – выходцы из Ломбардии, я итальянец, я брешианец, я не синти, хотя ничего против них не имею. Да и не могу иметь.

16. Марсианский снайпер

«Для меня это лучший момент в жизни – забить гол, когда ты видишь, как мяч летит над головой защитника, почти касаясь его, так, что он даже может различить на нем логотип бренда, но вот остановить его не может»

Еще я немного бразилец. Пирлиньо. Когда я пробиваю пенальти, я думаю сначала на португальском, и только потом на итальянском. Я бью их как Пирло, это мячи, отправляю их эффектно, так, как мне нравится, практически по библейской параболе. Они носят мое имя, они мои дети. Они похожи друг на друга, но не близнецы, и у всех у них южноамериканское происхождение, один источник вдохновения: полузащитник Антонио Аугусто Рибейро Рейс Младший, вошедший в историю как Жуниньо Пернамбукано. Когда он играл в «Лионе», он придумывал потрясающие траектории, ставил мяч на землю и забивал его немыслимыми движениями. Он не ошибался, я смотрел его статистику, и это не случайно. Дирижер оркестра повернулся лицом, без палочки, он показывает «ОК» не большим пальцем руки, а большим пальцем ноги. Хорошая шутка в стиле «Икеи».

Я изучал его, собирал CD и DVD, даже старые фото его матчей и, наконец, понял. Это не было внезапное открытие, на него ушло много дней и размышлений. Пернамбукано играл особым образом, это было очевидно, мне было понятно, каким образом, но я не понимал метода. Я выходил на поле и пытался имитировать его, поначалу безрезультатно. Первые разы мяч падал за два метра за воротами, три метра над уровнем неба, без Моста Мильвио и замков, в общем за ограждения «Миланелло», и я обращался к болельщикам, которые смотрели на это, и кричал им: «Ребята, это вам подарок от меня», хотя тренировки проводятся за закрытыми дверями, и посторонним на них вход воспрещен, наблюдатели просачивались нелегально. В общем, я врал нарушителям правил, и ничего хорошего у меня не получалось. Через три дня я оказался в черном списке сборщика мячей «Милана». Неделю за неделей я продолжал свои эксперименты, и, поскольку лучшие мысли рождаются в моменты максимальной концентрации, а максимальной концентрации, как учит нас Индзаги, можно достигнуть какая, просветление пришло ко мне в туалете. Неромантично, конечно, но именно так оно и случилось. Поиск истины никогда меня не оставлял, я думал об этом все время, и в момент максимального напряжения моя проблема сдала свои знамена: рецепт магии не в том, куда бить

по мячу, а в том, как. Жуниньо бил его не всей ногой, а всего лишь тремя пальцами. На следующий день я рано выбежал из дома, пропустил классический матч на PlayStation с Неста и бросился на поле «Миланелло». В мокасинах – мне не нужны были ботинки с каблуком, чтобы проверить мою теорию. Собиратель мячей уже был на месте.

– Дай мяч, пожалуйста.

– Пошел ты, – ответил он тихим голосом, почти шепотом.

– Что?

– Я видел мула…

– А вот оно что. Давай, дай мне мяч.

Он с большой неохотой принес мяч, и уже приготовился ловить его за воротами. Но я забил в угол под перекладину ворот, под крестовину. Отличное геометрическое уравнение. Это был бы гол даже с вратарем, но на его счастье его там не было.

– Андреа, попробуй еще раз.

У меня сразу же возникло желание повторить. Теперь это уже был вызов против двоих: сборщика мячей и призрака Жуниньо Пернамбукано.

– Хорошо, на, смотри.

У меня получилась ксерокопия предыдущего гола. Совершенно неотличимая. Я повторил ее еще пять раз. Официально признаю: я научился. Секрет больше не был секретом. Надо бить по мячу снизу, используя три первых пальца ноги. Ступню надо держать как можно более прямо, бить сухо. Так мяч на некоторое время зависает в воздухе, а потом быстро летит в ворота, эффектно раскручиваясь. Удар происходит неожиданно, вот почему этот тип штрафного называют «проклятым». И когда он мне удается таким, каким он должен быть, его не сдержать ничем, потому что этот мяч задуман именно против стенки, которая стоит перед воротами, и мяч летит в таком направлении, которого меньше всего ожидаешь. Для меня это лучший момент в жизни – забить гол, когда ты видишь, как мяч летит над головой защитника, почти касаясь его, так, что он даже может различить на нем логотип бренда, но вот остановить его не может – это сладкое садистское ощущение и истинный запах победы. Чем дальше я от ворот, тем такой удар лучше удается, то есть расстояние пропорционально производимому им эффекту. Чем ближе к воротам, тем быстрее он опускается. Есть разные варианты, маленькие детали для каждого отдельного штрафного, но начало остается неизменным. И гол, забитый таким образом, дарит мне одно из сильнейших чувств удовлетворения, и я вижу, как многие мои коллеги пытаются его повторить, копировать, понять, как он делается, я

для них Жуниньо Пернамбукано 2.0, бразилец с акцентом «Брешии».

Я никогда никому об этом не рассказывал, но моя цель – стать игроком, который в истории забил больше всего штрафных в серии А, я каждый год подсчитываю свои голы и работаю на это. Когда я был маленьким, в гостиной я ставил диван перед окном и тренировался с мягким мячом, который девять раз из десяти Марсианский снайпер попадал между стеклом и стеной, то есть именно туда, куда я собирался его послать. Перескакивая диван, естественно. Я покупал «Газетта делло Спорт», только чтобы посмотреть видеокассеты (которые продавали в качестве приложения) со всеми лучшими пенальти десятков лучших игроков. Я жал на «плэй» и смотрел, как забивают Баджио, Зико, Платини. Спасибо пульту от телевизора: одна кнопка запускала мою фантазию, мои внутренние силы.

Классическая фраза: «Важны только успехи команды, а о своих собственных я не думаю» – нуднейшая жалоба, слова того, кому ничего не добиться. Для меня, конечно, команда очень важна, но если я забуду о себе, я отберу силу у своих товарищей. Команда состоит из сильных личностей, триумф складывается из мечтаний многих. История, если им повезло. Но несмотря на эту мою страсть, я никогда не указывал в контрактах бонусы, связанные с количеством забитых голов во время пенальти. Это было бы слишком – чересчур легкие деньги достались бы мне. И даже если бы я их получил, я не стал бы на них рассчитывать, как обычно делают атакующие игроки. У них у всех есть бонусы за голы, поэтому иногда они становятся эгоистами, потому что их желание получить мяч определяется цифрами, написанными черным по белому в контракте. Тем лучше, было бы странно действовать иначе. Они мне нравятся, хоть они часто и капризны, я их все равно люблю.

Есть в моей работе и такая часть, которую мне вряд ли удастся полюбить, – разминка перед матчами. Я всей душой ненавижу ее. Она вызывает у меня отвращение. Это мастурбация атлетов – тренеров, их способ выпендриться перед нами.

Разогреться нужно, чтобы не сделать себе больно, но в итоге это остается самым неприятным моментом недели, долгим процессом длиной в четверть часа. Пятнадцать минут, выброшенных из жизни, в течение которых я предпочел бы заняться чем-нибудь другим. Я делаю разминку медленно, почти расслабленно, это мой способ противостоять тому, что мне неприятно. На выездных матчах она еще неприятнее. Мне совершенно не нужно бежать, чтобы разогреть свои мускулы, главное, что у меня горячее сердце, которое всегда кипит, пылает

позитивной энергией. Я говорил об этом с разными тренерами, но им всем было наплевать.

Они смотрели на меня, как на марсианина, особенно в тех случаях, когда я осмеливался просить не делать разминку перед тренировками. Я бы наслаждался ими, если бы сам мог решать, делал бы их всю неделю, а потом и субботу, и воскресенье. В чемпионате, в Кубке Италии, Лиге чемпионов. Даже на чемпионате мира, который я выиграл, несмотря на то, что не очень-то напрягался в эти девятьсот секунд, предшествовавших матчам против Ганы, Соединенных Штатов, Чехии, Австралии, Украины, Германии и Франции. Я могу пасть духом во время разминок, поэтому считаю про себя в обратном порядке, повторяю, что я должен быть спокойным, что скоро это мучение закончится. Может быть, это фобия, но для меня это, скорее, несправедливое отношение к прекрасной игре. Если перед тобой окажется голая Бар Рафаэли, ты не станешь, бросив на нее взгляд, говорить: «Подожди, я вернусь через пятнадцать минут», потому что в это время ты будешь думать только о ней, о ней одной, и, задержав дыхание, ты бросишь все, чтобы сжать ее в своих объятиях. То же самое перед «Реалом», «Барселоной» или другой известной командой: ты немедленно хочешь вступить с ней в схватку, ты пожираешь ее глазами, у тебя капает слюна, ты не можешь ждать. И тут приходит злость, невероятная злость!

Ты понимаешь, что теряешь время.

17. Путешествие из Турина в Сидней

«Дель Пьеро пошел еще дальше, он также часто оказывался на пьедестале игроков других команд, просто потому, что никогда не менял цвет. Его узнавали по этой верности, по долгому супружеству без расставаний, по тому, что он – нечто большее, чем простой игрок в футбол»

Алессандро понимает меня. Только у Дель Пьеро я замечал чувство, похожее на то, которое я испытываю во время разминок. Я помню его последний год в «Ювентусе» – спортивную агонию, как будто сильнейшая любовь умирала секунда за секундой, превращаясь в самое обычное обоюдное чувство.

Он не играл, и ему было плохо, он пожирал себя изнутри, и даже нам это было заметно. Он мог бы разрушить весь мир, и не только, но его лицо было переполнено ужасом. Он прятал свои истинные чувства, но не мог скрыть их до конца, потому что можно быть либо искренним, либо актером, третьего не дано. Его выражение лица даже отдаленно не могло скрыть его чувств – от него до хитреца такой же путь, как от Турина до Австралии: если они захотят сыграть, лететь придется не один день.

Он страдал на скамейке, как сумасшедший, забрать у него мяч было словно проклятие, один сезон он провел, уходя спать без ужина и без футболки номер десять, в черно-белой пижаме, без номера на спине, словно заключенный. Не приговоренный, но запертый. Окончание срока: никогда.

Он никогда не жаловался в присутствии других и переживал этот момент с достоинством. В нашей раздевалке он редко появлялся в течение недели, у него был персональный тренер, который с ним работал. Супермашине нужно суперобслуживание. Он приходил раньше всех и шел в небольшой зал в спортивном центре «Виново», рядом с залом, где разминались его друзья, включая меня. Он присоединялся к команде только на поле, во время тактических занятий с мячами. В тот момент, когда было необходимо, его присутствие чувствовалось. Нам было жаль, что такой чемпион ушел, причем тогда, когда команда только-только начала выигрывать. Его команда. Хотя мы и знали, что этим все кончится, нам, тем не менее, было больно. Мы говорим об исторической личности – и по харизме, и по возрасту.

Я никогда не знал, что именно произошло между ним и президентом Аньелли, какой именно механизм перестал работать, какая коррозия вкралась в систему, и я никогда не позволял себе спрашивать об этом. Я глубоко уважаю их обоих, и

если история дошла до своего логического завершения, то для этого нужна была веская причина. Это их личное дело, их проблемы, началось все однозначно с различного видения нового контракта, которое осталось только в теории. Жаль, потому что Дель Пьеро был бы полезен для «Ювентуса», – такой, как он, всегда нужен. Я бы хотел, чтобы такой человек был рядом со мной двадцать четыре часа в сутки, профессионал и пример для меня.

Он не случайно сделал карьеру мирового уровня. Видеть его на поле – в те редкие дни, когда это происходило в его последний год, было зрелищем удивительного благородства, истинная красота, у которой нужно учиться и учиться. Несколько страниц, пара взглядов – и ты получал урок. Он впал в детство ближе к сорока и плакал как ребенок как минимум однажды. Не сдерживаясь, при всех. В его предпоследний выход в качестве футболиста «Ювентуса», после матча на «Ювентус Стадиум» против «Аталанты», он не смог сдержать всех тех чувств, которые его мучили и которые до поры до времени ему удавалось сдерживать. Его эго, его желание быть, чувствовать себя черно-белым. В раздевалке он плакал, и мы тоже – за него, ради него. Так мы прощались с ним, прежде чем он улетел в Сидней. Он начал играть снова на другом конце планеты, продолжать и снова быть там. В Италии, в Европе он был бы слишком близко к своему родному дому и чувствовал бы сильнейшую ностальгию, почти физическое притяжение. С одного полюса на другой.

Из-за моей болезненной привязанности к национальной сборной говорят, что я «общий футболист», и, бывает, мне аплодируют даже на стадионах наших врагов. Дель Пьеро пошел еще дальше, он также часто оказывался на пьедестале игроков других команд, просто потому что никогда не менял цвет. Его узнавали по этой верности, по долгому супружеству без расставаний, по тому, что он – нечто большее, чем простой игрок в футбол, хотя и один из самых сильных в истории.

Это настоящее чудо, счастье быть частью определенного клуба, того, в котором снова начались победы, и «Ювентус» снова стали ненавидеть. Часто спортивное соперничество переходит в ненависть берсерков, в глубочайшее игнорирование друг друга вплоть до потери цивилизованности. За границей мы часто видим команды, которые на собственном автобусе приезжают на стадион, проходят между двумя крыльями толпы, и дети счастливы, радуются, и они тоже. Толпу болельщиков там практически никогда не отгораживает пуленепробиваемое стекло. В Италии матчи превращаются в кошмар, путь от гостиницы до стадиона становится целой военной операцией. Мне надоели эти

эскорты, полицейские машины, кортеж которых сопровождает нас с сиренами и мигалками. Им надо заниматься более серьезными вещами, а они вынуждены думать о нас. Комиссары, которые борются против мафии, заслуживают таких ангелов-хранителей, а футболисты могли бы обойтись и без них. Но это в лучшем мире, в котором нет серии А. Мы просто боимся попасть в эту толпу с дымовыми шашками, слезоточивым газом, палками, камнями, булыжниками и осколками… Иногда мы во все это попадали.

В Неаполе, на второй год моего пребывания в «Ювентусе», я всерьез боялся, что все плохо кончится. Мне редко доводилось попадать в ад из людей. Сотни людей ждали нас за дверями отеля, они кидались на нас с момента, как мы выходили, чтобы войти в автобус (и некоторым это удавалось), оторвать нам яйца (и это тоже почти удалось), а потом ситуация стала еще хуже. Чем ближе мы подъезжали к Сан-Паоло, тем больше предметов бросали в наш автобус, мы попали под обстрел по-ювентусовски. Кто-то из нас лег в коридоре, когда кирпич попал в стекло около места, где сидел Асамоа. К счастью, осколки стекла упали наружу, иначе случилась бы трагедия. Настала полнейшая тишина, мы поняли, что едем не просто так, что мы рискуем заплатить за этот матч жизнью. И это лишило меня сна.

Кто может мне дать гарантию, что вместо кирпича кто-нибудь не решит вытащить пистолет? Как контролировать тысячи сумасшедших на улицах, чья единственная цель – сделать нам больно. Кто готов поспорить, что среди этих сумасшедших нет одного полностью чокнутого? Когда мы выезжаем из Турина, с нами едут охранники и агенты спецслужб, но хватит ли этого? Это ужасные мысли, но я не могу сказать, что полностью смог избавиться от них. И говорить о них нужно, чтобы люди понимали, что значит наша верность команде. На Севере, в Центре, на Юге – везде, где ошибается географическое положение.

Во время матчей «Ювентуса» нас, словно банду Бассотти, называют ворами, это обвинение из недавнего прошлого, когда команда была в серии Б, серьезнейшее обвинение, о котором все пытаются забыть. Так удобнее. «Быть против» – это особая итальянская специфика, первое дело – обидеть противника, а потом уже – начать поддерживать свою команду.

Исключая те города, в которых помнят, что я еще и центральный игрок национальной сборной, и в зависимости от того, где мы играли, я был куском дерьма, сукиным сыном, за каждое свое движение я должен был заплатить жизнью. Насилие все ближе и ближе. Вот-вот выйдет из берегов.

Практически все стадионы Италии считаются зоной

«ультрас», где они делают и говорят все, что придет им в голову. Если я остановлю посреди улицы человека и назову его козлом, то меня как минимум оштрафуют, но на трибуне это делают тысячи человек, и ничего не происходит.

Нам не хватает спортивной культуры, и над этим надо постепенно работать, не только издавая специальные законы, но и передавая стадионы в собственность клубов. «Ювентус Стадиум» – это настоящая драгоценность (в таблице он стоит как минимум десяти очков в сезон, не в последнюю очередь благодаря тому позитивному климату, который ему удается создать). Каждое место соответствует имени и фамилии болельщика, есть стюарды и телекамеры, и, если люди что-то задумывают, их легко увидеть и вычислить в секунду.

В идеале всем надо привить культуру, но в некоторых случаях их надо останавливать, чтобы не оказаться в центре циклона. По крайней мере, поначалу. Будь я политиком – а, к счастью, я не он, – я бы голосовал за то, чтобы на стадионах сделали клетки, как в Англии. В них надо помещать тех, кто замышляет что-то нехорошее, и для них это будет лучшим средством.

И распахнуть окна. Нужен чистый воздух.

18. Супер-Марио

«Он игрок высшего класса, он может выбирать себе команду, проблема лишь в том, что Марио всегда держал в голове только одну команду»

А еще нужен балотелли. Не думаю, что он сам это понимает, но он – лекарство, антидот от, казалось бы, смертельного яда, потому что на итальянских стадионах есть еще и расисты. Отвратительная категория людей, депрессивные личности, которые из всей истории собрали самое худшее. Их совсем не меньшинство, как заставляет нас думать правительство – пожарные, тушащие спичку огнетушителем.

Когда я вижу Марио на собраниях национальной сборной, я всегда ему улыбаюсь – это мой способ сказать, что я рядом, что он не должен сдаваться. Спасибо на эмоциональном уровне. Часто болельщики противников обижают его и бьют. Мы считаем, что его отношение к делу вряд ли поможет полюбить его, но если бы у него была белая кожа, его, безусловно, оставили бы в покое.

«Пропусти – Балотелли умрет», – это невыносимый хор болельщиков, который я, к сожалению, слышал и на «Ювентус Стадиум», но еще хуже те «буууу», которые слышны повсюду. Это вовсе не обижает его, он спокойно все принимает, не давая хода этим отбросам человечества, и это самый правильный ответ, потому что если ты вступаешь в беседу с идиотом, ты опускаешься до его уровня, а если игнорируешь его (показывая, что, к сожалению, он существуют), то бросаешь его в открытом море, без поддержки и друзей. От долгого одиночества умирают даже акулы. Пранделли в национальной сборной дал нам четкий рецепт: «Если вы услышите, как кто-то с трибун вас унижает, подбегите и обнимите его». Ненависть уничтожается страстью, в равных дозах. Это правильный выбор и полезная идея.

Теоретически я не склонен уходить с поля в знак протеста, как сделал Боатенг, утянув за собой весь «Милан», во время товарищеского матча против «Про Патрии». Это не лучший способ бороться с расизмом, мне кажется, что это больше протест, чем реакция. В любом случае, если мой товарищ по команде подвергается унижению, а потом отказывается играть, я подстроюсь под его желание, и остальные игроки тоже. Он принимает решение. Я брошу матч, только если вся команда будет согласна. Есть такие ситуации, которые нужно пережить, чтобы комментировать, слишком деликатные, чтобы можно было что-то запланировать заранее.

Я счастлив, что у Марио такой характер, что он не реагирует

на провокации и на крики, даже когда ошибается. Если он забивает, он может поднести палец ко рту, как знак болельщикам противника, что их еще больше раздражает; когда они утверждают, что он ошибается из-за цвета своей кожи, это выглядит смешно. Он высмеивает их и побеждает. Он может стать символом борьбы с расизмом в Италии и во всем мире.

Его уровень как игрока не обсуждается, я бы с удовольствием увидел его в майке «Ювентуса». Он игрок высшего класса, он может выбирать себе команду, проблема лишь в том, что Марио всегда держал в голове только одну команду. «Ребята, рано или поздно я пойду в «Милан»». Этот припев мы слышали очень часто, и, наконец, его мечта сбылась. Я бы с удовольствием пасовал ему в Турине, вкладываясь в его успех так же, как в национальной сборной. Лишь однажды мне показалось, что это возможно, когда в интервью «Скай» он сказал: «Мне бы хотелось изменить мнение моих черно-белых болельщиков обо мне». Возможно, в будущем это и случится, и мы встретимся в одной команде, и я говорю это, потому что знаю: его агент продаст за деньги даже собственную фамилию, в самом прямом смысле слова. Однажды я сам слышал его разговор с соавтором этой книги:

– Мино, удовлетвори мое любопытство. Как правильно произносится твое имя? Куда ставится ударение? Ра́йола или Райо́ла?

– Произноси как угодно, лишь бы ты мне платил.

Аплодисменты.

«Ювентус» стал бы идеальным вариантом для карьеры Балотелли, местом, где он мог бы полностью раскрыться. Буффон, Киеллини, Маркизио: они вдохновляют тебя, вовлекают в свой мир и иногда заставляют передумать. Мы всегда любим того, кто много вкалывает, у кого есть манера жертвовать собой, кто не может покачать головой и сказать «нет». Никто не жалуется, мы все игроки национальной сборной, самого дорогого, что у нас есть. Все знают истории клубов, их взлеты и падения, никому не нужно напоминать имена игроков и тех, кто жертвует собой. Это настоящий локомотив радости.

Это бывало в «Милане», в «Интере» – нет, и Пранделли это хорошо знал, потому обычно и звал нас в национальную сборную. Нет главного, побеждает демократия среди игроков. Буффон мог бы встать и сказать: «Теперь я все решаю, я здесь капитан, потому что я играл в серии В в этой футболке». Но он никогда этого не сделает. Он слишком умный, слишком сильный для этого.

Сейчас я выскажу мысль, которая разозлит многих болельщиков, но в правильности которой я убежден: некоторые недавние успехи были спланированы заранее. Они были нужны,

чтобы усилить наше чувство принадлежности. Возвращение в серию А было нелегким, пришлось пережить несколько лет гнева для каких-то позитивных изменений, и теперь больше нет места стыду: быть «Ювентусом» – значит гордиться собой. До самого конца, как сказал бы президент Аньелли – нет, лучше, как сказал бы Андреа. Нужно не сдерживать в себе негативные чувства, и произойдет очищающий взрыв. Это черно-белый Большой Взрыв, это сотворение нового мира, похожего на старый, в чем и состоит хорошая новость: «Ювентус» возвращается к себе самому.

Нас снова боятся, и все больше. О нас помнит множество людей, и в особенности о нас помнит Антонио Конте, когда вешает на дверь раздевалки газеты со статьями, в которых о нас говорят наши соперники. Он тщательно вырезает интервью и комментарии и прикрепляет их скотчем на двери самой тайной комнаты. То, что ни в коем случае нельзя пропустить, выделено красным фломастером. Президент у нас рабочий, а тренер – газетчик. Как минимум раз в неделю у нас происходит встреча с прессой. Мысль четкая: «Ювентус» меняет всех, за исключением тех, кому уже не на что претендовать. Нас пытаются поразить как минимум словами. Придумывают провокации.

– Ребята, о чем это говорит? О том, что у нас есть слабые места.

– Вот лажа, тренер.

– Лажа или нет, но мы мужчины, и должны доказать на поле, что они ошибаются. А вот это? Он готов поклясться, что нас рано или поздно нагнут.

– Еще одна лажа, тренер.

– Мы не будем поддаваться на провокации. У нас только один способ бороться с этим: выиграть. Кстати, вы прочитали последнюю строчку, которую я обвел?

– Да, тренер, этот кретин говорит, что мы самая противная команда в мире, и все это знают.

– Вот это правильно, и, если он придет на игру, мы будем вынуждены его поблагодарить, он сделал нам комплимент, это значит, что мы возвращаемся. Что нас опять боятся, что мы заслуживаем то имя, которое носим. Запомните: соперникам нравится только тот, кто им проигрывает.

– Тренер, он также пишет, что ты чокнутый.

– А вы тоже это заметили? Вот видите, среди всех глупостей и у этого придурка наступило озарение. А вы мне должны евро и двадцать центов.

– За что?

– За газету.

19. За порогом будущего

«Или мы будем играть на цементном поле синего цвета, или используем технологии, которые помогут нам нормально оценить то, что происходит на поле: одно из двух»

Платит Матри. Всегда платит Матри, даже в фигуральном смысле. Неста эмигрировал в Канаду, Де Росси я вижу лишь в национальной сборной, остается только он. Мой собрат по комнате – моя первая жертва, по неписаному регламенту. Иногда это все равно что стрелять по Красному Кресту, хотя Алессандро, наверное, сразу стрелял бы по больнице. Он ипохондрик, он чувствует в себе все болезни мира, хотя у него нет ни одной, иногда он даже думает, что он игрок в Турине.

Если он кашляет:

– Я так и знал, у меня воспаление легких. Доктора!

Если у него вскочил прыщик:

– Вот аллергия на то, что я съел, помогите мне, я умираю. Доктора!

Чешется нос:

– О нет, только не герпес. Доктора!

На поле он остается один перед вратарем, пинает мяч совершенно в другую сторону, даже не видя ворот:

– Мама миа, это все конъюнктивит.

Тут вмешиваюсь я и успокаиваю его:

– С тобой все в порядке, ты просто зануда.

Он начинает смеяться – у него начинают болеть зубы. Перестает смеяться – начинает болеть ухо.

Я хорошо его знаю, я его люблю, потому часто я выдумываю то, чего нет на самом деле:

– Але, у тебя течет кровь из носа.

– Это эпистаз.

– Что?

– Эпистаз, маленькое кровоизлияние.

– У меня кровоизлияние в мозг?

– Да иди ты.

Из-за каждой крошечной болячки он бежит к доктору. Если он думает, что у него температура, он проверяет ее по пятьдесят раз на дню. Мне как-то подумалось, что ему просто нравится использовать термометр, и однажды ночью я сыграл с ним шутку. Когда он уснул, я пошел нашел постер Барзальи, один из тех, которые дарят, с «Ура, «Ювентус»!», и повесил его над кроватью Матри. Потом щелкнул фотографию на свой BlackBerry и отправил ее паре друзей со словами «Это любовь». Выдумка, как и

его болячки.

Когда он в ванной чистит зубы, бреется или наводит красоту всеми теми кремами, которые у него есть, я могу внезапно ворваться и заорать, как сумасшедший.

– Андреа, ты что творишь, у меня будет инфаркт.

– Вот тогда посмеемся.

Матри постоянно тревожится, всего боится, врач его ненавидит. Я его обожаю почти так же, как он обожает Барзальи, потому что у него есть невероятное преимущество: стоит ему коснуться мяча, и он забивает гол. Я часто думаю, что его недооценивают – будь я президентом команды, он стал бы пределом моих желаний. Гарантия на миллиард лет. Иногда я говорю ему:

– Але, знаешь, по-моему, ты мог бы стать головной болью любого защитника итальянского чемпионата?

– Головной болью?

– Успокойся, это просто поговорка.

Рано или поздно я украдкой сниму видео и выложу его на Ютьюбе, и оно станет культовым. Потому что гол можно увидеть только раз – в футболе Паганини умер, еще не родившись. Гол не повторяется. Действия игроков нельзя рассматривать в замедленной съемке – это приведет к неверной оценке, так как их решения не ограничиваются никакими правилами.

Арбитров критикуют, так как тот, кто управляет, всегда подвержен самым дурацким старым предрассудкам и традициям: они не хотят съемок на поле, которые решили бы 100 % проблем, и из-за этого у нас гораздо менее запечатленная профессиональная жизнь.

Зидан в финале чемпионата мира 2006 года был удален за то, что ударил Матерацци головой, – все знают, что главный арбитр Элизондо принял это решение после того, увидев телевизионные изображения. К счастью, они не умели читать по губам.

Сегодня нужна помощь извне. Арбитры – не роботы, их ошибка вероятна даже математически: я никогда не понимал, как им удается смотреть на мяч в тот момент, когда отдают передачу, и в то же время видеть, на линии или не на линии находится тот игрок, который его принимает. Даже четырехглазый монстр не смог бы.

Отсутствие новых технологий – это третий мир в спорте. Достаточно малюсенького экранчика около четвертого человека (это не определение агента секретных служб, как могло бы показаться, а просто название одного из ассистентов арбитра), чтобы решать в реальном времени самые сложные вопросы. За линией ворот мяч или нет, ошибка или не ошибка, вне игры или

не вне игры – за пять секунд решились бы все гамлетовские вопросы. А главный арбитр принимал бы более взвешенные решения – ведь доказать, специально или намеренно допущена ошибка, теперь можно с помощью телевидения.

Я хотел бы видеть футбол более современным, но те, кто находится на вершине пирамиды и принимает решения, там, где важны не мозги, а кошельки, прячутся за традицию, за желание сохранить некие изначальные правила, делая вид, что не помнят, как раньше играли мячом весом в килограмм, на каблуках и без телекамер. Я не говорю, что Джон Уэйн должен снимать фантастические фильмы, но и Стивен Спилберг без спецэффектов вряд ли смог бы стать самим собой.

Следующий обязательный шаг – избавиться от того устаревшего, тормозящего все менталитета, в силу которого мы не осознаем изменения, происходящие в обществе и на футбольном поле. Мудрецам мяча давно пора проснуться и открыть хотя бы один глаз или два сразу. Они не понимают, что своим устаревшим поведением они создают проблемы арбитру, оставляя его одного и вынуждая следить за всем сразу, он же тоже человек и не может увидеть все в одну секунду, а вот зрителям по телевизору все видно. И они думают: «Ну и придурок, допустил ошибку». Правильная же мысль должна быть такой: «Бедняга, его заставляют жить в эпоху старого времени». Больше нет черно-белого телевидения, но сам факт изобретения телевидения в любом случае кардинально изменил нашу жизнь. Рады будут и все те, кто наконец-то сможет убрать со своего телефона дорогую им фотографию гола-фантома Мунтари в матче «Милан» – «Ювентус», вошедшем в историю.

В конце каждого матча серии А больше, чем в Лиге чемпионов, многие тренеры и руководители говорят о работе арбитра, о том, что не все идет хорошо, что теряется равновесие игры. Усилия, потраченные на «съемку», на болезненную оценку кадров, попытку понять, ошибочное или не ошибочное решение было принято, гораздо проще было бы истратить на съемку на поле во время игры. И как всегда, получается, что главам соревнований нельзя верить.

Нужно более корректное судейство, которое будет записывать, что я ошибся в передаче, тренер в выборе игрока, директор в покупке, а Матри ошибся коробочкой с лекарствами. Смотреть вокруг себя всегда прекрасно, но картина обычно несколько сложнее.

«Нырнем в будущее» – это не просто слоган предвыборной кампании или реклама бассейна в Цюрихе, это новый способ мыслить, который поможет нам улучшить нашу жизнь. В других

видах спорта это давно применяют, без негативных отзывов. Если Надаль играет на Australian Open, и судья со своего места решает, что он попал в поле, и засчитывает последнее очко, а в это время «соколиный глаз» (электронная система наблюдения на теннисных полях) видит, что судья ошибся, матч продолжается, Надаль, не жалуясь, идет играть дальше, его соперник не спорит, арбитр извиняется, сделав жест рукой, и болельщики тут же забывают о случившемся, сконцентрировавшись на следующей части игры. Нет ни поражений, ни споров.

Или мы будем играть на цементном поле синего цвета, или используем технологии, которые помогут нам нормально оценить то, что происходит на поле: одно из двух.

20. Допинговые молнии

«Меня совсем не удивляют новости о старых спортсменах, сообщающие, что они принимали какие-то вещества. Их уже даже не показывают в прайм-тайм, ведь считается, что долгие годы это было обычной практикой. Очень жаль»

Я умею думать, я не хочу, чтобы кто-то при виде меня решил, что я банальный стереотипный футболист с плоским мозгом. Есть и тупые игроки (и я сам таких знаю), как есть и землемеры, архитекторы, профессора, музыканты, журналисты (и таких я тоже знаю), аптекари, мясники, у которых IQ, как у булыжника. Я же считаю, что у меня он как минимум средний. У меня есть мнение обо всем, и мне не стыдно ни сказать о нем, ни защитить его. И я вижу, когда меня хотят обмануть – по крайней мере, у меня появляются сомнения. Иногда, правда, с опозданием. Как в тот раз в Коруне в 2004-м.

Я играл тогда в «Милане», нашим соперником был испанский «Депортиво» в матче четвертьфинала Лиги чемпионов, до этого в первом матче на «Сан-Сиро» мы победили со счетом 4:1. Вероятность, что мы не выйдем в полуфинал, была примерно такая же, как у Гаттузо – получить диплом филолога. В мыслях мы уже играли в полуфинале и садились в самолет до Галиции. Почти решено.

Нам не приходила в голову иная возможность: что мы все разом будем поражены амнезией и забудем, как играть, а игроки другой команды разойдутся и начнут играть как сумасшедшие. Но так оно и случилось: и матч закончился со счетом четыре – ноль в их пользу. Они смеялись над нами. Мы были марионетками на поле, львами, которых взяли в заложники гладиаторы, героями фильма «Что за хрень творит «Броненосец Потемкин»», нашу честь и достоинство растоптали, и в наказание нас надо было заставить каждую субботу до пенсии пересматривать кадры этого матча. В ту ночь на стадионе «Риазор» мы напоминали зомби.

Мы сами были виноваты в этом, и даже спустя годы меня не отпускает эта мысль. Наши соперники бегали со скоростью тысяча километров в час, даже те возрастные игроки, у которых уже и физически не было сил на это. Больше всего меня поразило, что они все бегали, все, без исключения, даже во время перерыва. Когда арбитр Майер свистнул и подал знак об окончании первого тайма, они понеслись в раздевалку со скоростью Усейна Болта. Они не остановились даже в ту четверть часа технического перерыва, даже не перешли на шаг, чтобы перевести дух. Молнии,

кометы, настоящее сумасшествие. Я так и не осознал причины этого, поэтому я не обвиняю их, а всего лишь пытаюсь понять – тогда у меня впервые мелькнула мысль, что на нашем поле кто-то может использовать допинг.

Возможно, в них просто говорила спортивная злость. Игроки «Депортиво» осатанели, они неслись к черте, которая была видна только им (а мы в ужасе смотрели на них). В полуфинале их разгромил «Порто», они выбыли из турнира, а через некоторое время и из всех значимых соревнований.

Мне бывает смешно, когда я слышу о допинге применительно к святому имени «Барселоны» – элитного клуба, которому для выигрыша достаточно лишь выйти на поле. Хозяева «Камп Ноу» хорошо бегают, видят на семьдесят – восемьдесят метров вперед, а не на пятнадцать, и делают это без всякого труда.

В Италии проблема допинга в футболе неактуальна: нас постоянно наблюдают врачи. Часто к нам внезапно приходят специальные люди из УЕФА и проводят контроль. Не только анализы мочи, но и крови. Они приходят во время тренировок, представляются и велят нам идти за ними, все бросив. Они ведут нас в раздевалку или в кабинет врача и проводят обследование. Мы не жалуемся, это часть нашей работы, лишь бы пробирки и шприцы были чистыми.

Глупо было бы употреблять запрещенные вещества – и по совести, и из-за того, что нас тут же выгонят из команды. В начале года медики, которые обслуживают команду, представляют нам список лекарств, которые нам нельзя принимать, и я звоню доктору всегда, даже если мне нужно выпить простой аспирин, потому что необходимо всегда быть внимательным. В такие моменты я как Матри, хотя надеюсь никогда по-настоящему не стать таким, как он. Я злюсь, слушая интервью каких-нибудь велосипедистов, рассказывающих, что игроки в футбол слишком богаты, слишком часто выступают по телевизору, ведут себя как примадонны, забывая, что наш мир абсолютно чист.

Меня совсем не удивляют новости о старых спортсменах, сообщающие, что они принимали какие-то вещества. Их уже даже не показывают в прайм-тайм, ведь считается, что долгие годы это было обычной практикой. Очень жаль. Кажется, что это делали все – вряд ли нормальный человек сможет проехать на велосипеде триста километров в день, на следующие сутки столько же, и опять столько же еще через сутки.

«Тур де Франс», «Джиро д'Италия» постоянно мелькают в газетных заголовках: на некоторых высотах глохнут моторы, но велосипедисты не сдаются. Легализовать допинг, по-моему,

плохая идея, лучше сделать на пути больше остановок для отдыха.

Я испытал неприятнейшее чувство, когда Лэнс Армстронг признался, что принимал допинг перед некоторыми соревнованиями, чтобы подняться на подиум. Неприятно даже не само его признание, а тот факт, что перед этим он сто раз отпирался, угрожая тем, кто посмел обвинить его в чем-либо подобном. У американского велосипедиста отобрали все его семь «Тур де Франс», после того, как он признался, что поднялся на Эйфелеву башню на вертолете, а не пешком. Ноль очков.

Наверное, когда ребята начинают учиться ездить на велосипеде, их учат не обманывать, дают им список тех, кто принимал допинг, тех, кто слишком рано умер от него. Такая терапия необходима – как те надписи на пачках сигарет, которые предупреждают, что КУРЕНИЕ НАНОСИТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ большими буквами, и вся ответственность – на курильщике. На велосипедах надо писать НИКАКИХ ВЕЩЕСТВ НА ТРАССЕ.

Если я смотрюсь в зеркало утром, когда встаю, или вечером, прежде чем пойти спать, я вижу относительно некрасивого мужчину, с небритой бородой, нечесаной гривой, кривым носом, немного оттопыренными ушами и мешками под глазами. В то же время я вижу человека, который счастлив тем, что он прожил, и гордится каждой секундой своего прошлого.

Джино Больсиери в «Флеро», а за ним Роберто Клеричи в «Волюнтас» первыми поняли, что моя идеальная роль на поле – играть в зоне перед защитниками; они же были и первыми людьми, которые – помимо папы Луиджи и мамы Ливии – неустанно напоминали мне, что легкой победы не бывает. Если ты погонишься за легкой победой, ты рано или поздно окажешься в аду и проиграешь. И это ад, который создал ты сам.

Мне есть чем гордиться, внутри меня не гаснет олимпийский факел, пожар гордости, страсти и огня, питаемого одним лишь удовольствием. Чтобы погасить его, нужно погасить меня, мою душу. И думаю, многие это понимают. Даже руководители клуба «Аль Садд», арабской команды, которая в 2011-м прошла отбор на клубный чемпионат мира.

– Андреа, тебя хотят эти, из Катара.

Когда мой агент Тинти звонит, не здороваясь, – дело серьезное.

– Что, прости?

– Ты поедешь играть в Катар.

– С ума сошел? Ни за что.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что еще рано.

Мой последний сезон в «Милане» должен был вот-вот начаться, и я не собирался переходить.

– Гвардиола тоже там играл.

– В конце своей карьеры.

– Хорошо, из вежливости ты должен с ними встретиться.

– Когда они приедут?

– Они уже в Милане. Надень галстук, я заеду за тобой через час.

Они ждали меня в супершикарном отеле «Принц Савойский» у центрального вокзала – того самого, в котором останавливался Дэвид Бекхэм, когда приезжал в Милан. На встрече присутствовали владелец клуба, руководители и куча адвокатов.

– Привет, контракт готов.

– Здравствуйте и вам, такая огромная честь для меня…

– Тебе у нас понравится.

– Очень приятно, меня зовут Андреа Пирло.

– Не надо решать слишком быстро, у тебя есть пара минут подумать.

– Я пришел понять, кто вы такие.

У нас было лингвистическое недопонимание, пространственно-временной разрыв: я сконцентрировался на настоящем, а они уже пребывали в будущем. А затем я понял, что Дед Мороз существует.

– Андреа, сколько у тебя детей?

– Двое.

– В Катаре отличная английская школа.

– Я хотел бы, чтобы они говорили на итальянском.

– Мы построим новую и пригласим итальянских преподавателей. Тебе нравится водить машину?

– Да.

– Мы будем рады подарить тебе парочку «Феррари».

– Парочку?

– Если ты будешь скучать по Италии, у тебя будет всегда готовый взлететь частный самолет.

– Но…

– Контракт на четыре года уже готов.

– Спасибо, но…

– Сорок миллионов евро.

В этот момент включился Тинти:

– Сорок миллионов за четыре года, не за сезон. Ты же знаешь, кризис.

– Знаю.

– Но если десяти миллионов в год тебе мало, мы можем обсудить это.

Это было чересчур, и мне пришлось сразу заговорить, чтобы не впасть в искушение:

– Огромное спасибо, но я не могу. Это будет означать конец моей карьеры, а я надеюсь еще многое сделать в Европе, в Италии. Если я передумаю, поговорим через пару лет.

– Одиннадцать миллионов.

– Туллио, пойдем…

– Двенадцать.

– Туллио…

– Тринадцать.

Я взял под руку своего агента, который был в экстазе, и ушел. Я посмотрел на часы – они показывали 21:21. Мое любимое число целых два раза – судьба словно говорила мне: «Ты все сделал правильно».

21 – день рождения моего отца, день моей свадьбы, день, когда я дебютировал в серии А. Это число стало моим номером, и я его больше не бросал. Оно приносит мне удачу, вот почему в этой книге двадцать глав. Мне нравится думать, что двадцать первая, состоящая только из хороших эмоций, еще не написана.

А ручка у меня есть.

Благодарность

Спасибо Андреа Пирло, который стал моим другом. Когда он говорит, он не останавливается, и для меня это открытие века.

Моей жене Элеоноре, которая говорит еще больше, чем Андреа, но она – открытие всей моей жизни.

Чезаре Пранделли, за прекрасное предисловие, которое он написал от всего сердца и перечитывал перед матчами. Он думал о чемпионате мира и немного о нас.

Мартине Маэстри, которая все прочла. Она – Пирло моей дружбы.

Даниэле де Росси, за консультации по шуткам и приколам.

Марко Нозотти и Веронике Балдаччини за все время, которое они мне подарили. Они моя сборная.

Массимо Амброзини, который объяснил мне моего героя.

Паоле, которая сидит там в библиотеке, иначе какой может быть рай?

Всем друзьям из Коверчано, особенно Симоне Орати, которые делали вид, что не замечают меня, когда я подслушиваю их разговоры.

Андреа Делмонте, который в нас поверил (и сказал нам «да»).

Чаче Гуззетти, которую Самуэль Это'о называл мамой.

Конечно, папе Марио, маме Кароле, моей сестре Бенедикте, бабушке Сандре и всей моей семье.

Они всегда играют вместе с нами.

Алессандро Альчато